

Черная Весна

Автор:

Андрей Васильев

Черная Весна

Андрей Александрович Васильев

Ученики Ворона #4

Не всегда возвращение домой может стать праздником, и в этом на собственном примере убедились ученики мага по имени «Ворон». После тягот минувшей войны они рассчитывали немного отдохнуть в солнечной Силистрии, в гостях у своего друга Гарольда Монброна, а вместо этого попали в очень и очень неприятную историю, из которой затруднительно будет выбраться живым. Да и не бывает по-другому, если на кону стоят золото и власть, принадлежащие одному из старейших и знатнейших семейств королевства. И теперь, хочешь, не хочешь, но как-то надо выпутываться из этой ситуации.

Андрей Васильев

Черная весна

«Ученики Ворона»

Книга четвертая

Глава первая

– Тепло. – Розы запрокинула голову назад и зажмурилась, отчего стала чем-то похожа на пригревшегося на солнышке котенка. – Хорошо! Не то что на Вороньей горе. Там, небось, до сих пор снег лежит.

– Так ты за нами увязалась только затем, чтобы в промозглом замке не сидеть? – не скрывая сарказма в голосе, спросил у нее Гарольд. – А я-то подумал...

– И правильно подумал, – рассмеялась Роза. – Я увязалась за своим любовником, фон Руттом. Ты же это имел в виду?

Монброн подумал, подумал, да и промолчал. А что ему оставалось? Любой ответ выставлял его не в лучшем свете. Да, мы изменились... Точнее – да, они, отпрыски благородных фамилий со всего Рагеллона, изменились, но некоторые вещи были вбиты в них слишком крепко. Даже не крепко, а навсегда. Гарольд не мог себя переломить и сказать что-то, что бросило бы тень на представительницу одного с ним сословия. Убить ее смог бы, а опорочить – нет. Не то воспитание.

Кстати, про «убить». Он ее чуть и не пришиб, когда она заявила на пару с Эбердин на борт корабля, который должен был нас доставить в Силистрию. Точнее – в один из приграничных с ней городков. Родич Монброна, граф Лотар, любезно предоставил нам эту возможность, а мы от нее, разумеется, не отказались.

Так вот, почти перед самым отплытием стоим мы на палубе, глазеем на то, как местные жители, которые, как выяснилось, почти все выжили, разбирают сгоревшие дома, и тут на тебе – видим на причале Розы и Эбердин.

Причем они не просто там стояли. Они еще и корабль обсуждали.

– Хилогато суденышко, – сообщила громко де Фюрьи. – Серьезного шторма не выдержит.

– Тебе виднее, – даже не стала с ней спорить Эбердин. – Но хочу тебе напомнить, что плавать я не умею.

– Так оставайся здесь. – Роза заметила меня и помахала рукой. – Эраст, иди сюда, возьми наши вещи и подними их на борт.

– Не останусь, – отказалась Эбердин. – Наставник меня если увидит, то испепелит, ты же ему за вчерашний день все нервы вытрепала. Нет, лучше я утону.

– Эраст, стой, – цапнул меня за плечо Гарольд. – Де Фюрьи, только не говори, что ты собралась составить нам компанию.

Я, если честно, и не собирался никуда идти. Ну да, нас с Розой связывает многое, но при этом бежать куда-то по щелчку ее пальцев мне и в голову не могло прийти. К тому же мне давно стало ясно, что как только я буду делать шаг назад, она тут же будет делать шаг вперед, и это продолжится до той поры, пока меня не загонят в угол, из которого уже не выбраться. Замечу отдельно – под словом «вещи» понимались две наплечные сумки. Да и откуда взяться большому багажу? Но это все несущественно, Роза важен сам факт, что все случилось так, как хочет она.

– Зачем отрицать очевидное? – тем временем невозмутимо ответила Гарольду Роза. – Именно так все и обстоит.

– Исключено, – заявил Монброн громко. – Это положительно невозможно.

– Положительно невозможно отправлять фон Рута в такой компании, как ты и Фальк, – даже не подумала сдавать свои позиции Роза. – Мне плевать на тебя и на него, вы люди пропащие, мне это еще два года назад было ясно. Но тащить за собой в бездну Эраста я вам не позволю. Если уж кто его погубит, то пусть это буду я.

– Тысячекратно извиняюсь, – влез в разговор я. – Просто хотелось бы уточнить, что мне всегда удавалось находить неприятности без посторонней помощи. Да вот хоть бы недавно...

– погоди, – остановил меня Карл. – Давай представление досмотрим, интересно ведь. А еще лучше, давай поспорим, кто из этих двоих победит. Ставлю пять медяков на Гарольда.

– Невысоко тебя ценят друзья, Монброн, – насмешливо сообщила стремительно покрасневшему Гарольду Роза. – Целых пять медяков!

– У меня больше нет, – невозмутимо пояснил Карл и похлопал ладонью по тощему кошелю, привязанному к поясу. – Так что поставил все, что есть.

– Ну, это меняет дело, – признала Роза. – Эраст, это, в конце концов, уже просто неучтиво. А может, тебе лень? Так ты скажи, мы сами занесем свои вещи на борт.

– Не надо ничего куда нести! – окончательно рассвирепел Гарольд и вцепился в борт судна мигом побелевшими пальцами. – Де Фюрьи, иди туда, откуда пришла, я тебе очень прошу!

– Не ори на меня, Монброн! – сдвинула брови моя суженая. – Это неучтиво. И еще – ты меня знаешь, если я что надумала сделать, то своего добьюсь. Мы едем с вами, и это решенный факт. К тому же наставник одобрил эту идею. Он так и сказал: «Пусть в вашей компании будет хоть кто-то, кого боги мозгами не обидели».

А вот это похоже на правду. Вот только если вспомнить слова Эбердин, то можно заподозрить, что Ворон их произнес лишь для того, чтобы отделаться от Розы.

– Да пусть их, – неожиданно пробасил Карл. – Собственно, что тут такого? И еще – иногда женщина может узнать куда больше, чем мужчина, просто потому что... Потому что она женщина!

– И ты, Карл, туда же, – обреченно произнес Гарольд. – Вот от тебя не ожидал.

Карл, скрипнув кожей камзола, развел руки в стороны, как бы говоря: «Прости, любезный друг».

– Эраст, – требовательно произнесла Роза и показала глазами на наплечные сумки.

Фальк с интересом уставился на меня, ожидая, что я стану делать.

– Спать пойду, – громко сказал я и зевнул. – Мне лекарь местный так и говорил – после тяжелого ранения надо много спать и тяжести нельзя носить. И еще очень полезно фрукт гранат кушать. Что за гранат такой, не знаю, потому без него обойдусь, а вот спать и не перетруждаться – это можно.

И я ушел в трюм, где нам выделили небольшой закуток с подвесными койками, которые замещали кровати. Корабль ведь, не постоянный двор. Что дали, тем и обходимся.

Я все понимаю, но нельзя так меня ломать, буквально об колени. Меру знать надо. Это ей еще повезло, что здесь с нами Аманды нет, а то я сейчас из принципа за ней приударил бы. Хотя нет, Аманда – это слишком. Она и до нашего отъезда покладистостью и добротой не славилась, представляю, что с ней стало сейчас. Подозреваю, что она ядом выучилась брызгать, как одна змеюка в Халифатах. Сама длинная, башка рогатая, как кого завидит, так на хвосте поднимается и зеленой ядовитой дрянью в этого бедолагу плюется! Страшное дело. Я ее в пустыне видел, когда мы в Гробницы Пяти Магов добирались.

Вот и бывшая принцесса Фольдштейна сейчас, надо полагать, не добрее этой змеи будет. Да оно и понятно – просидеть столько времени в четырех стенах, да еще и без общества себе подобных. Ну да, там еще есть слуги, но это, по сути, ничего не меняет. Двое из них за все время, что я прожил в Вороньем замке, и десяти слов не сказали, а недалекий Тюба, напротив, болтун жуткий. Причем последнее скорее печалит, чем веселит.

А вообще, странно, что Роза поступила именно так. Не в ее привычках эдакий штурм, она всегда действует тоньше, хитрее. Или же это часть некоего плана, разобраться в котором не сможет никто, кроме самой мистресс де Фюрьи.

Гарольд, естественно, сдался, но некое подобие позиционной войны сохранялось на протяжении всего пути. Эта парочка сломала столько словесных копий, что в какой-то момент все остальные просто перестали обращать на них внимание.

Тем более, что и без того было на что посмотреть, по крайней мере нам троим точно. Ни я, ни Карл, ни Эбердин на юге Рагеллона до того не были, а потому большую часть времени торчали на палубе, радуясь тому, что нас окружало.

И скажу вам так – все мне тут было по душе. После промозглой и грязной весны Запада тепло и буйство красок поражали. У нас там холод собачий и до сих пор может снег закружиться в воздухе, а здесь уже все деревья в цвету! А уж запахи-то какие, запахи! Улей и мед! Вода за бортом из серо-свинцовой стала лазорево-прозрачной и теплой настолько, что мы с Карлом даже искупались на одной из стоянок. Нет, я бы сам не стал этого делать, но Фальк орал про то, что мы, сыновья Лесного Края, такую воду считаем очень подходящей для купания. Пришлось соответствовать.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем завлекательней становились и окрестные пейзажи. Зеленые холмы, голубое небо и белые города. Именно что белые, похоже, именно этот цвет предпочитали местные владыки, нобили и вельможи. И еще они были какие-то... Даже не знаю... Округлые, что ли? Это вам не прямота и строгость зданий Запада, здесь предпочитали другие архитектурные формы.

Много открытого пространства, огромные террасы, заметные даже издалека, и совершеннейшая беспечность – никаких стен вокруг дворцов, никаких заграждений. Иные и вовсе стояли прямо у берега, да еще и лестницы светлого мрамора тянулись к самому морю. Хоть высаживайся и бери этих непуганых южан на меч. И чего нордлиги сюда не наведываются?

А может, я чего-то недопонимаю. Может, все здесь продумано, и любому, кто захочет пожить за чужой счет, мало не покажется. Это раньше я думал, что глазам можно верить, а теперь точно знаю, что часто все оказывается не тем, чем выглядит.

К примеру, высадится на берегу отряд лихих ребят, живущих с клинка, побежит по лестнице вверх, а из той шипы двухметровые как выскочат! И все, были brave воины, а теперь больше не будут. Или их вовсе магическим огнем спалит.

А почему бы и нет? К магам тут другое отношение, не такое, как у нас. Здесь жгли нашего брата не так сильно, как на Западе, да и Орден Истины особо не лютовал. Порядок наводил, это да, но без такой строгости, как у нас. Местные нобили люди самолюбивые, не любят, когда им кто-то указывает, что делать, потому здесь хватает тех, кто теперь является нашим собратом по цеху. Точнее – будет являться, если мы посохи получим. Ну да, за тронем они не стоят и официальных должностей при дворе не занимают, закон есть закон, но это ничего не значит. Должность – это только должность, название, просто слова.

Все решает степень влияния мага на события.

Хотя известно это все нам было только в теории, из рассказов Гарольда. А он в те времена, когда жил дома, на магов внимания особо не обращал, у него другие интересы были. Чего-чего, а разнообразных забав в Силистрии, по его словам, хватало. Просто маги на его родине были явлением привычным, они даже держали в столице магические лавки, что, например, в герцогствах или Айронте было делом совершенно немыслимым.

Кстати, Ворон нам на прощание дал совет отыскать в столице Силистрии его старого приятеля, некоего Унса Два Серебряка, мол, если что, то он поможет. Правда, при этом он как-то странно дергал глазом, особенно произнося его диковинное прозвище. А после, еще немного поразмыслив, он посоветовал нам обращаться к нему только в том случае, если очень прижмет. И под конец добил нас, выразив надежду, что до такого не дойдет.

Думаю, не покинь мы его, он бы посоветовал и вовсе забыть про этого знакомца. У меня вообще сложилось впечатление, что он почти сразу пожалел о сказанном нам, что для Ворона несвойственно. Так что непременно надо отыскать этого самого Унса Два Серебряка. Сдается мне, что от него можно много всякого интересного про наставника узнать.

Так вот – чем ближе становилась Силистрия, тем больше времени мы проводили на палубе. А что? Светло, тепло и мухи не кусают. Когда еще нам доведется просто побездельничать, не думая ни о чем?

– Ничего такого он не имел в виду, – примирительно пробасил Карл и пошевелил пальцами босых ног. – Чего ты сразу?

– И зря, – сообщила ему Роза, не открывая глаз. – Потому что это правда. Вы, кстати, про это знаете.

– Кричи погромче, – посоветовал ей Гарольд. – Пусть граф Лотар тоже узнает, что представительница рода де Фюрьи из Асторга спуталась с бароном из Лесного Края. Новость хорошая, интересная, пикантная, она из уст в уста передаваться будет быстро. Глядишь, и до твоего родного города доберется, благо он от нас не так и далеко. И до твоего отца.

– Ты думаешь, что для него это до сих пор тайна? – Роза наконец открыла глаза и насмешливо глянула на Монброн. – Бедный наивный Гарольд. Он давным-давно это знает. Да и мои родные тоже, не сомневайся даже.

Я потер ребра, занывшие при воспоминаниях о родне моей девушки. Да уж, они знают. Очень даже знают.

– Нет, что твой папенька наслышан об этом, я не сомневаюсь, – без тени шутки ответил Гарольд девушке, все так же смотрящей на него. – Но пока, если можно так сказать, неофициально. А если эту новость начнут муссировать в... А-а-а-а!

– Да-да-да. – Роза показала Монброну розовый язычок, подмигнула мне и снова запрокинула голову назад.

– Плохая идея, – взъерошил волосы Гарольд. – Де Фюрьи, это очень плохая идея!

– Какая идея? – проворчал Фальк, поворачиваясь ко мне. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Кажется, начинаю. – Ребра заныли еще сильнее. – Роза, разве мои подозрения.

– Какие именно? – лениво спросила де Фюрьи. – Если о том, что у замарашки Грейси волосатые ноги – тут не скажу наверняка, я ее без одежды не видела.

– Не называй Аманду «замарашкой», – нахмурился Гарольд.

– Почему нет? – удивилась Роза – Она теперь никто. Точнее – замарашка и есть. Титула лишена, умываться забывает, одевается скверно. Эраст, ведь я же правильно говорю?

– При чем тут Аманда? – чуть повысил голос я. – Не уводи разговор в сторону. Роза, ты что, надумала наши отношения предать огласке? Да еще вот таким образом?

– Я бы и не прочь сделать это по-другому, – добавила печали в голос проклятая интриганка. – Но ты же в Асторг не поедешь? И времени у нас на это нет, да и Монброн тебя не пустит.

– Не пушу, – подтвердил Гарольд. – Он же даже до города не доедет, его раньше убьют.

– Ну вот, – удовлетворенно мурлыкнула Роза. – Если ты не едешь в Асторг, то он придёт к тебе. Как только новость о том, что я в Силистрии, причем не одна, а с не слишком-то родовитым любовником, доберется до ушей моего семейства, то непременно кто-нибудь в Форессу наведается.

– Эраст, я запроу тебя в замке, – обреченно пробормотал Гарольд. – В подвале. Там много еды, много вина и есть куда спрятаться.

– Карл, если ты сейчас промолчишь, то я очень удивлюсь, – негромко произнесла Эбердин, что-то изучающая в своем ученическом дневнике.

– Ты меня там с ним запри, – с готовностью отозвался Фальк. – Охотно составлю компанию. Очень я отошал на войне. И потом – спасая нашего друга от семейства де Фюрьи, ты толкаешь его на другую смерть, от вина. Все знают – пить одному вредно. А вдвоем – это уже не пьянство, это дружеская попойка.

– Не сгущайте краски, – посоветовала нам Роза. – Никто сразу нашего Эраста убивать не станет. И в первую очередь как раз потому, что он гость Монброн Силистрийских.

– Тоже верно, – признал Гарольд. – Слушай, Роза, ты настолько расчетливая, что мне иногда страшно становится с тобой рядом стоять. Не должна девушка быть такой, не к лицу это тебе.

– К лицу, не к лицу, – Роза сначала скорчила забавную мордашку, а после ее голос внезапно похолодел. – Монброн, когда ты уже повзрослеешь? Да и вы, мальчики, тоже? Поймите вы, мир уже не будет прежним, таким, в каком мы до того жили. Он нам теперь чужой, и мы для него чужие. И воевать с нами по правилам тоже никто не станет. А война – она уже вокруг, неужели вы не видите? Гарью отовсюду тянет так, что дышать невозможно. Неужели вас даже последние события ничему не научили? Эраст всего-то на секунду расслабился, дал волю чувствам, сорвался – и вот результат, мы на этом суденышке плывем в Силистрию. Вроде бы пустяк, одно лишнее слово, и тем не менее. Причем я не уверена, что все на этом закончилось. Мне кажется, основные проблемы и

последствия только на подходе, все, что до этого было – так, мелочи. И с этим надо что-то делать. Вы не можете решить этот вопрос? Отлично, я это сделаю сама. Но и вы тогда ведите себя как мужчины, а не мальчишки. И не путайтесь у меня под ногами, хорошо?

Гарольд на это ничего ей не ответил, только помрачнел еще сильнее, а после тяжело вздохнул.

Что до меня – я с Розы был согласен, война и впрямь была вокруг нас. Вокруг меня так точно. Хоть формально советом магов претензии мистресс Эвангелины по убийству мной ее ученика, толстяка Прима, были признаны несущественными, легче мне от этого не становилось.

Агриппа, который навестил меня в последний вечер перед отплытием, мне про это сказал напрямую.

Меня тогда поразили две вещи. Первое – я был уверен, что ни его, ни мастера Гая в военном лагере уже нет, что они уехали. Второе, что меня окончательно обескуражило – Агриппа не стал делать из своего визита особой тайны. Более того – он поймал на пристани Карла, который пер из сгоревшей деревни огромных размеров копченый свиной окорок, и попросил его позвать меня.

Хотя, с другой стороны – чего тут такого? Все знали, что он слуга мастера Гая, все знали, что мастер Гай вроде как друг нашего наставника. Мало ли что один маг хочет передать ученику другого через своего слугу? Тем более учитывая шаткое положение этого ученика. Дружба – она понятие круглосуточное, особенно если себя ей не компрометировать.

– Это хорошо, что ты надумал убраться на время из этих земель, – без предисловий заявил мне Агриппа. – Мастер просил передать, чтобы ты теперь смотрел в оба. Эвангелина тебя, может, и не тронет, у нее память девичья, а вот ее ученики – это другое дело. Между прочим, они еще позавчера наняли трех неплохих бойцов из числа наемников. На самом деле неплохих. Особенно их старший... Очень приличная техника боя, слова дурного не скажу.

И он поковырял пальцем свой распоротый на боку кожаный жилет, который виднелся из-под плаща.

– Спасибо, – поняв, что к чему, сказал ему я. – Вот правда – спасибо.

– Я выполняю приказы мастера, – проворчал Агриппа. – Ты ему нужен живым, и дело только в этом. А так мне было бы все равно, прирежут одного молодого идиота, который не умеет держать язык за зубами и шпагу в ножнах, или нет.

– Это мне понятно, – я тут же опустил глаза и виновато зашаркал ногой. – Так получилось.

– Получилось, – рыкнул Агриппа и вlepил мне увесистый подзатыльник. – Получилось у него. Эти слова к месту в разговоре с отцом, чью дочку ты обрюхатил, или с городской стражей, которая тебя из кабака выводит после хорошей потасовки. А тут не тот случай. Прибить ученика другого мага! Да еще и Эвангелины, которая с мастером Гаем на ножах.

– Так она не знает, что я служу мастеру Гаю, – понизив голос до еле различимого шепота и вытаращив глаза, сказал я. – Я для нее ученик Ворона.

– Ты так уверен в том, что она ничего не знает? – ухватил меня за отросшую прядь волос, которая спадала на глаза, Агриппа. – Ты в этом уверен? И еще – ты уверен в том, что ты сможешь удержать это все в тайне?

– Не считай меня за идиота, – в данном случае почти совсем уж искренне заверил его я. – Сам же знаешь, что со мной будет после того, как я язык развяжу.

Ну на самом деле ничего со мной не случилось бы, как мне думается. Чем дальше я изучал магию крови, тем больше во мне крепла уверенность в том, что смухлевал тогда в сарае мастер Гай. Не было там никакого ритуала. Нет, некая волшба была, усыпил он меня честь по чести, это без врак. Но вот все остальное... Взял он меня тогда на испуг и под этим соусом привязал к себе.

Хотя если здраво рассудить, выбора тогда у меня особо не было. Откажись я, усомнись, да просто начни дурить – и тот же самый Агриппа перерезал бы мне глотку.

Да и сейчас, по сути, немного изменилось. Мастер Гай все так же опасен, как скальная гадюка, чей яд убивает за четверть минуты, а Агриппа... Это Агриппа.

– А если ее ученики тебя прихватят и пятки как следует подкоптят? – дернул он меня за волосы. Мне было очень больно. – Или начнут по кусочкам резать? Или чего магическое учудят? Они способны на такое, я их видел. Можно подумать, что ты тогда язык не развяжешь.

– Пусть сначала прихватят, – зашипел я. – Ай, отпусти!

– Отпусти, – недовольно откликнулся Агриппа, но волосы мои выпустил. – Думай, парень, думай, прежде чем кого-то на тот свет отправить. Точнее – думай, кого убиваешь. Ну не по душе тебе был тот толстяк, мешал он тебе, так зачем же при свидетелях его протыкать? Есть куча других способов. В конце концов, меня бы попросил, я бы это все провернул как надо, как следует.

Если честно, у меня в этот момент впервые в жизни возникло ощущение, что меня отчитывает отец. Точнее – в моем представлении это, скорее всего, именно так и должно было выглядеть.

Сказать в свое оправдание было нечего, и потому я промолчал.

– Значит, так, – Агриппа высморкался. – Мастер одобрил то, что ты на время исчезнешь, это лучший вариант на текущий момент. И чтобы пару месяцев тебя в герцогствах видно не было. А летом, глядишь, и ситуация выправится. Могут появиться такие аргументы, при которых и Эвангелина, и ее ученички побоятся даже смотреть в твою сторону.

Значит, шансы на то, что мастер Гай все-таки займет место архимага в конклаве «Сила жизни», велики. Настолько, что он даже не боится сообщить об этом Агриппе.

Или он не доверяет мне настолько, что специально велел это сказать? Мол – я побегу к Ворону, а от того информация попадет к Эвангелине и Виталии?

Хотя нет. Все проще. Это мне голову заморочили так, что я везде ищу второе дно. И третье. И пятое.

– И вот еще что, – Агриппа цапнул меня за загривок и приблизил мое лицо к своему. – В Силистрии тоже смотри в оба. Там сейчас времена беспокойные, насколько я знаю, наступили. Не такие, как здесь, или на границе с эльфами, но все же. Не лезь на рожон, сначала думай, потом делай. И не оставляй свидетелей, если уж пустил кому-то кровь. Это Юг, там обиду помнят веками и никогда никому её не прощают. И еще это... С девками поосторожнее. Кровь у них горячая, чуть что не по их нраву, так сразу или яд в вино сыпанут, или кинжал под ребра воткнут.

– Какие девки? – захолопал глазами я. – Мне бы от своих, местных отдохнуть. Я там планирую вино пить, в море купаться и на солнышке греться.

– Коли так все выйдет, буду за тебя рад. – Агриппа отпустил меня. – И не забывай, если что, есть еще одно место, где ты можешь отсидеться.

Он достал из напоясной сумки пергамент, тот самый, который закреплял за мной права на наследование поместья в Лесном Краю, показал его мне, а после огорошил неожиданной новостью: – Я нанял несколько слуг и отправил их в твои земли. Запомни их имена – Вальтер, Аделард и Горст. Все из бывших вояк, все знают, что именно ты хозяин этих земель, тебя я им описал.

– А зачем это все? – изумленно спросил у него я.

– Затем, что у тебя должно быть хоть какое-то место в Рагеллоне, где ты сможешь перевести дух и отсидеться, – выкатив глаза рыкнул Агриппа. – Эти трое все там изучат, если надо, наймут еще слуг. Случись что, ты приедешь не на пустое место. Кстати – вот тебе карта. Ты же даже не знаешь, где твои земли находятся.

И Агриппа протянул мне свиток, перевязанный шнурком.

– Спасибо, – в горле у меня отчего-то запершило. – Слушай, но это ведь все денег стоило, может я...

«Буммм». От очередного подзатыльника у меня снова зазвенело в ушах.

– Не для тебя стараюсь, – процедил Агриппа. – Для нашего хозяина.

Интересно, а наш хозяин вообще в курсе, что у меня в имении слуги появились, и о том, что кое-кто обо мне вот так заботится? Но спрашивать про такие вещи Агриппу я точно не стану, здоровье дороже.

Да и ни к чему это. Пусть все будет, как будет.

– К слову, – Агриппа запустил руку в сумку, и перебрал мне небольшой мешочек, в котором приятно звякнули монеты. – Здесь немного, но ты и едешь на все готовое. Гостеприимство Монбронов Силистрийских общеизвестно. Если ты хоть раз был приглашен за их стол, ты можешь с этого момента занимать место за ним до самой своей смерти, и никто у тебя не спросит, кто ты таков.

– Как они до сих пор не разорились? – впечатлился я. – Но мне это на руку. Хоть отъежусь.

– Скорее Силистрия обнищает, чем они разорятся, – Агриппа снова дернул меня за челку. – И, слушай, подстригись, что ли. Не ровен час, они тебя за слугу примут!

На том мы и расстались с Агриппой. А вот сегодня Роза, по сути, его словами говорит. Нет, возможно, они и правы, но вот только зло берет. Все такие умные, все такие знающие, один я, выходит, дурак.

Да если и так, то выживать все равно придется мне, а не им.

Впрочем, вру. Сейчас мои шансы стали чуть лучше, чем раньше. Теперь у меня есть друзья, и они на самом деле готовы встать на мою защиту. К мысли этой я все еще до конца привыкнуть не могу, но кое-как она у меня в голове закрепилась.

Другое дело, что их помощь разной может оказаться. Если Гарольд и Фальк просто встанут со мной плечом к плечу, то Роза... Вот она – сама непредсказуемость. Сначала мне казалось, что эта парочка от скуки с нами увязалась, но, похоже, я ошибся. У нее, оказывается, имелся четкий план, и сейчас она его воплощает в жизнь. Я ведь поднабрался за эти два года знаний о том, как устроен мир благородных, а потому догадываюсь, что она решила устроить. Монброн же, похоже, вообще сразу сообразил, что к чему.

На самом деле все просто.

Я буду гостем дома Монбронов, и де Фюрьи, несмотря на всю свою влиятельность, трогать меня не станут. По крайней мере официально. Законы чести, давние родственные связи, традиции и прочие условности довольно надежная защита.

Родня Розы, как и было сказано, примчится посмотреть на дочь и ее любовника. Не удивлюсь, к слову, если это будет даже ее матушка.

Хоть Розы и отрезанный ломоть, но честь семьи – это честь семьи, и даже если она теперь ученица мага, а в прошлом «ничья невеста», то это ничего не меняет. Репутация рода должна быть безупречна. В безалаберной Силистрии или в герцогствах на ее проделки, возможно, и посмотрели бы сквозь пальцы, но не в чопорном Асторге. Плюс не забываем о смеси королевских кровей, текущих в ее жилах.

Короче – меня предъявят родне, и хоть та меня почти наверняка не одобрит, это ничего не изменит, поскольку выбора особого не будет. После чего я, скорее всего, стану официальным женихом хитроумной госпожи де Фюрьи. Мужем – вряд ли, до такого маменька Розы дело довести не даст, но женихом – точно.

И с того момента любой, кто посягнет на мою жизнь, получит кучу проблем, поскольку семейство моей будущей невесты никому не спускает своих обид. Даже если они нанесены такому бесполезному существу, как я. Ну, с их точки зрения бесполезному.

Насколько я помню, с родом де Фюрьи считается даже Орден Истины. Что уж говорить о каких-то магах-недоучках.

Одно мне непонятно – на кой все это Розы? В смысле – зачем она за меня так хлопочет, даже вот в это путешествие отправилась. Нет, я помню те планы нашей общей будущности, которые она мне прошлой весной излагала, но тогда я счел их если не шуткой, то иронией.

А если нет? Если она говорила всерьез?

И все-таки – почему я?

Ведь есть же на это какая-то причина?

Но какая? В этом обязательно надо разобраться. И я разберусь, благо чего-чего, а времени у меня в достатке. Путь до Силистрии неблизкий.

Глава вторая

Самое забавное, что я ошибся. В том смысле, что в Силистрию мы попали раньше, чем ожидали.

Просто изначально как-то само собой подразумевалось, что мы погостим денька три у графа Лотара, познакомимся с его семьей, съедим подобающее количество блюд и выпьем положенное количество вина. Для людей нашего круга положенное. Графа не смущало то, что все мы как бы уже и не представители в большей или меньшей степени знатных фамилий, а не сказать – изгои. Тут, на Юге, отношение к этому было другое. Коли ты рожден благородным, то ты таким и останешься до самой смерти.

Так вот – сначала погостим, а после сядем на лошадей и поедем себе дальше, к конечной точке путешествия.

Мы думали, что будет так. А оно возьми да и обернись по-другому. Накануне прибытия на родину графа, за ужином он сообщил нам, что мы можем продолжить путь на его корабле дальше, напрямик до Форессы, столицы Силистрии. Мол – плывите ребятки и вспоминайте меня добрым словом.

Не знаю, что явилось причиной такого решения – заметная ли всем нервозность Гарольда, который рвался домой, или что-то еще, но нас всех это сообщение очень порадовало. Если честно, очень не хотелось снова трястись в седле. Да и потом – всем нам еще было очень памятно прошлогоднее путешествие. Понятно, что глупо проводить параллели между теми дикими местами, по которым мы шатались, и густонаселенным Югом, но все же...

– Я думаю, что так будет лучше для всех, – закончил свою речь граф Лотар, поднимая серебряный походный стаканчик с вином. – Но настоятельно требую, чтобы на обратной дороге вы непременно посетили мое скромное жилище хотя бы на один день. Если этого не случится, я буду очень, очень опечален. Более того – я сочту это оскорблением своего рода.

– Непременно, – радостно ответил Гарольд. – К тому же я не прощу себе, если мои друзья не попробуют ваших знаменитых жареных перепелов в вишнево-медовом соусе.

Карл заерзал на стуле, судя по всему, он уже хотел попробовать это блюдо.

– Помнишь их вкус до сих пор? – Лотар потрепал Гарольда по голове. – Да, это наш семейный рецепт. Кстати, моя старшая дочь Бьянка прекрасно их готовит. Заметьте – сама готовит. Она у меня такая, не чурается истинной женской работы.

Мы все уже знали про то, что Бьянка, старшая дочь графа Лотара, большая умница, рукодельница и вообще идеальная хозяйка, которая не даст спуску слугам, сбережет дом и приумножит состояние семьи.

Нет, так-то граф Лотар отличный дядька, но вот этими рассказами о дочери он нас всех уже изрядно утомил. Особенно же доставалось Гарольду, которому он явно прочил её в жены. И его совершенно не смущал тот факт, что Монброн по своему новому статусу менее всего для этого подходит.

Хотя, возможно, он по врожденной простоте душевной просто не особо вдумывался в то, кем мы все являемся. Ну ученики мага и ученики мага, мало ли какая блажь молодым людям в голову взбредет? Фамилия-то родовая у Гарольда никуда не делась. И состояние его семьи тоже, не говоря уж о положении при королевском дворе. Главное – пусть женится, а там видно будет.

Ради правды, меня еще смущал тот факт, что эта Бьянка, по сути, Монброну приходится троюродной сестрой, но Роза мне объяснила, что тут, на Юге, подобные браки совершаются сплошь и рядом. Более того – троюродные это еще ничего, тут и союзы между двоюродными братьями и сестрами нередки. Бывает и еще похлеще, между родными, это когда состояние из семьи в виде приданого род выпускать не хочет, но это уже не приветствуется. Велика опасность того,

что от этой связи на свет может появиться существо с внешностью человека и душой демона. Случалось такое уже. Лет двести назад подобное существо кучу народу вырезало, собрав под свою руку целую армию отребья, которого в любом городе полно. Нищие, бездомные, «солдаты удачи», просто бездельники, наконец. Этот выродок сколотил из них войско, захватил несколько крепостей и даже пару городов, где устроил настоящую бойню. Кровь в них, если верить рассказам, по улицам ручьями текла.

Еле-еле объединённое войско Юга при поддержке магов его прибить тогда смогло. И командовал этим войском, между прочим, прапрадед Гарольда.

– Непременно заедем, дядя, – Монброн опрокинул в рот стаканчик вина. – И передай Бьянке, что я целую ее руки.

Граф Лотар расплылся в улыбке и снова потрепал моего друга по голове. Отчески так потрепал. Я бы сказал – по-семейному. Практически по-родственному.

Интересно даже глянуть, что там за Бьянка такая.

Вот мне и очередной урок. На вид-то граф простоват, а на деле все он отлично просчитывает. Наведайся мы к нему сейчас – и толку от этого было бы мало. Мой друг рвался бы домой, и в лучшем случае все бы закончилось скомканно.

А вот на обратной дороге – другое дело. Все дела так или иначе разрешились, все в хорошем настроении, все расположены друг к другу, можно и перепелов в вишнево-медовом соусе покушать. Из рук красавицы Бьянки.

Ну а если все закончится не в нашу пользу, так и вовсе потерь никаких. Никто просто до гостеприимного графа Лотара не доедет, потому что мы будем мертвы.

При любом раскладе он в выигрышном положении.

В результате, утром один из двух кораблей графа, которые были получены им в качестве военной добычи, повернул к гаваням прекрасного белокаменного города, что раскинулся на зеленых холмах и был ярко озарен утренним

солнышком, а второй, на котором были мы, продолжил плавание.

– Если бы я остался тем, кем был, мне бы точно пришлось на этой Бьянке жениться, – заметил Монброн, махая рукой графу Лотару, стоящему на корме корабля и смотрящему на нас. – Что застыли? Улыбаемся и машем! Человек нам столько добра сделал.

– А что, эта Бьянка страшна как смертный грех? – любопытствовал Карл, выполняя вышеизложенную просьбу и размахивая руками так, что это было похоже не столько на «прощайте», сколько на «спасите». – Или у нее изъян какой есть?

– Да откуда мне знать? – ответил ему Гарольд. – Я ее видел в последний раз лет пять назад, ей тогда только-только одиннадцать исполнилось. Плотная такая девчонка, из-за щек ушей не видно.

– А если вспомнить про ее любовь к готовке, то, надо полагать, не сильно она и изменилась с тех пор, – резонно заметил я.

– Я в ее годы тоже толстой была, – заступилась за многострадальную Бьянку Роза. – Все платья по шву трещали. А сейчас?

И она обхватила свою талию ладонями. Нет, пальцы рук не соединились, но все равно смысл данного действия был предельно ясен.

Эбердин насупилась и начала что-то насвистывать. Ее талию обсуждать не имело смысла, за неимением оной. Нет, толстой она не была, просто строение фигуры такое.

– Ну да ладно, – верно расценила поведение подруги Роза. – Это все не так и важно. Скажи, Монброн, тебе граф ничего не рассказывал о том, что происходит в Форессе? В смысле – в твоём семействе? Из того, что мы еще не знаем?

Надо заметить, что секрета из цели нашей поездки Гарольд не делал. Мы с Карлом были в курсе его дел изначально, да и для Розы тайны особой в этом не было. Тем более, что именно она прошлой осенью привезла ему весть о том, что Монброн-старший захворал, а его брат, которого звали Тобиас, и который,

соответственно, приходился Гарольду дядюшкой, тут же начал копать под родича при дворе и накладывать свою лапу на семейные капиталы.

Собственно, потому Гарольд так и рвался домой. Дела семьи – это святое, даже мне, почти всю жизнь бездомному и безродному, это было ясно.

– Увы, увы, – покачал головой мой друг. – То ли в самом деле ничего не знает, то ли предпочел отмолчаться. Но я не напирал на него. А зачем? Если все будет удачно, завтра ночью, в крайнем случае послезавтра утром, мы будем в столице и все узнаем сами, из первых рук.

– Может, ты и прав, – признала Роза. – Тем более что иногда вести, проходя через несколько рук, изрядно преображаются. Строишь на их основании один план, а на деле оказывается, что требуется совсем другое.

– Ветер попутный, – Карл, который в последнее время с удовольствием изображал из себя бывалого моряка, послунывил палец и вытянул руку вверх. – Быстро добежим до Силистрии.

Он так и не понял, похоже, почему мы дружно расхохотались.

Правы оказались они оба – и Карл, и Гарольд. И ветер был попутный, и в Форессу мы прибыли в ночь. Точнее – изрядно за полночь.

– Вот куда мы премся? – ворчал я, затягивая пояс и зевая. – Темень какая, глаз коли. Два часа еще до «волчьей стражи», если не больше. Давай тут до утра побудем, а потом по свету и пойдем.

– Согласен, – с хрустом потянулся Карл. – Монброн, не дури. Город спит, и домашние твои тоже. Вон, даже портовые – и те дрыхнут.

Это было так. Нет, фонари у пирсов горели, маяк на высоченном утесе, находящемся лигах в шести от порта, ярко светился, и даже какой-то служитель, после того как мы ошвартовались в гавани, зевая, взошел на борт, дабы выяснить кого демоны принесли посреди ночи. Но в целом на территории порта царили темень и тишина.

Я, если честно, был удивлен. У нас в Раймилле порт не спал никогда. Да и как это могло произойти? Ночь в приморском городе не предназначена для сна. Рыбаки затемно выходили в море ловить макрель и тунца, за которыми утром на рынок придут грудастые кухарки, контрабандисты у дальних причалов разгружали свои коggi и фелюги, за ними присматривали таможенники, имеющие свою десятину от привезенных товаров, гудели кабаки и таверны, в которых пил, веселился и дрался морской люд, черпая полной ложкой все радости жизни. Да добавьте сюда еще стражников, воров и шлюх, которые тоже все время ошивались на портовой территории.

Семь демонов Зарху, да у нас в порту ночью было многолюдней, чем днем.

А здесь – нет. Тихо как на кладбище.

Странно, я почему-то думал, что южные города вообще никогда не спят. По крайней мере, по рассказам Гарольда все выходило именно так.

– Так оставайтесь, в чем же дело? – Монброн затянул шнур перевязи и проверил, легко ли выходит из ножен шпага. – Утром я пришлю за вами слугу, он сопроводит вас в мой дом. А я отправляюсь прямо сейчас.

– Все-таки ты ужасно упрямый, – Роза накинула на плечи плащ. – Но, с другой стороны, будь ты покладистым, как твой брат Генрих, можно было бы говорить о вырождении Монбронов Силистрийских. Эраст, а ты знаешь, что одного из его предков казнили только за то, что он не пожелал согласиться с точкой зрения тогдашнего монарха?

– Это как? – заинтересовался я.

– Очень просто, – хмуро ответил Гарольд вместо Розы. – Леокадий Второй, прадед нынешнего короля, утверждал одно, а один из моих пращуров говорил другое, не желая с ним соглашаться. Непосредственно предмет спора сейчас уже никому неизвестен, но точно не подлежит сомнениям тот факт, что мой предок взошел на эшафот, но с королем так и не согласился.

– Ты не обижайся, Монброн, но не сильно был умен твой предок, – Эбердин накинула на плечо ремень сумки. – Положить голову на плаху из одного упрямства, это блажь, а не подвиг.

– Чего тут обижаться? – даже не стал с ней спорить Гарольд. – Блажь и есть. Точнее – бессмысленное упрямство. Родовая черта характера. Не удивлюсь, если когда-нибудь именно оно меня и погубит.

– И заодно тех, кто будет рядом с ним, – тихонько шепнула мне на ухо Роза. – Но я за тобой присмотрю.

– Только на то и надежда, – хмуро ответил я и рывкнул на Фила, который упирался всеми ветками, не желая лезть в мешок. – Да что мне тебя, скрутить, что ли?

Врать не буду – я сто раз пожалел, что решил взять его с собой. Очень много было от него неудобств в плавании. Во-первых, всю дорогу приходилось его прятать в трюмной закуске, в том самом, где для наших спутниц создали нечто вроде отдельных покоев. Проще говоря – огородили угол, да и все. Сказать, что Роза была от этого не в восторге – ничего не сказать. Но деваться некуда – терпела, поскольку показывать мое беспокойное ручное растение суеверным морякам совершенно не хотелось. Кто знает, как бы они на него отреагировали? Может, посмеялись бы, а может, за демона приняли и изничтожили от греха. И нас до кучи в море побросали.

А потом еще и Ордену Истины про случившееся рассказали.

Во-вторых, самому Филу очень не нравилось морское путешествие. Ему было маятно в темном трюме. Он любил свободу, простор и солнце, здесь же не имелось ни того, ни другого, ни третьего.

Да еще и Карл, то ли случайно, то ли нарочно несколько раз на него наступил, заслужив тем самым нелюбовь Фила и признательность Розы.

Потому сейчас он, разозленный и раздраженный до крайности, упрямо не желал лезть в холщовый мешок. Он сопротивлялся изо всех сил, махая отросшими ветвями, щелкая соцветием-клювом и упираясь корешками в доски пола.

– Фил, ну что ты как незабудка какая-то ломаешься? – не выдержал наконец Гарольд. – Как ты еще собираешься по городу передвигаться?

Мой питомец замахал ветвями и зашелестел вновь выросшей за плавание листвой, как бы заверяя, что он ого-го как может передвигаться. побыстрее остальных

– Оставить его здесь, – посоветовала Роза. – Пусть из него морячки зубочисток наделают. Или суп сварят.

– Тьфу ты, – Карл нахлобучил на голову шляпу, взял у меня мешок и навис над Филом. – Значит так, зеленый, все очень просто. Вот это мешок, вот это моя нога. У тебя есть выбор – либо ты сам в него лезешь, либо я тебя своей ногой туда запихаю. Ну?

Фил повертел соцветием, недовольно потряс листьями и полез в мешок. Карла он боялся.

– Вот, – удовлетворенно сообщил всем Фальк. – А то разговоры, уговоры. Все просто в этой жизни. И еще, Эраст. Мешок я понесу, а то он тебе покою не даст. А у меня смирененько сидеть будет, не шевелясь, потому как я щекотку не люблю. Ты слышал меня, зеленый?

Ответа не последовало, но мешок двигаться сразу же перестал.

Мы попрощались с капитаном, Монброн высыпал ему в ладонь десяток монет, надо полагать, последние, что у него были, и попросил еще раз передать нашу устную благодарность графу Лотару, а также заверения в том, что мы непременно наведаемся к нему в гости. На том мы и расстались с кораблем, который в последнее время был нашим домом.

Город был не менее темен, чем портовая территория. Редкие масляные фонари освещали пустынные узенькие улочки, на которых не было не то что прохожих, но даже и патрулей стражи.

– Невесело тут у вас, – пробасил Карл, опуская ладонь на рукоять шпаги. – Ты вроде говорил, что Форесса на редкость веселый город. Ну и где бордели, кабаки и прочие увеселительные заведения?

– В центре города, – ответил Гарольд, быстро шагая по брусчатке мостовой. – Там это все есть. Здесь «черный» город, кварталы мастеровых, ремесленников, портовых служащих. Им ночная жизнь ни к чему, у них другие интересы. Кстати, там, куда мы идем, тоже будет тихо и покойно. «Белый город» в этом от «черного» не отличается. Света, разве что, у нас куда больше.

– Дай угадаю, – попросил я. – А в «Белом» городе живут благородные и придворная знать?

– Не угадал, – Монброн остановился, повертел головой и свернул в совсем узенький переулок. – Точнее – угадал отчасти. Придворные все живут близ королевского дворца. А у нас, в «белом» городе, обитают представители старых фамилий, нобили, сделавшие состояния на торговых операциях, и просто люди с деньгами. В Силистрии, в отличие от королевств Запада, уважают тех, кто смог подняться из низов и сколотить себе состояние. А ну брысь!

Эти слова он адресовал нескольким теням, возникшим в арке, что была у нас на пути. Оклика и бряканья шпагой для теней оказалось достаточно. Они мелькнули в неверном свете фонаря и исчезли.

– Как ты здесь ориентируешься? – жалобно спросила у Монброна Роза. – Я бы даже днем тут заплутала.

– Это мой город. – Монброн шумно втянул воздух ноздрями. – Это мой дом. Как я в нем могу заблудиться? Боги, как же я скучал по нему! Ну же, вдохните поглубже. Только здесь так пахнет ночь. Здесь и нигде больше.

– Да брось ты. – Карл сплюнул в сторону. – Сточные канавы везде пахнут одинаково.

Тут я был с ним согласен. Не знаю, как в «белом» городе, а здесь вонь стояла преизрядная, судя по всему, нечистоты сливали прямо на улицу.

– Да ну тебя, – возмутился Гарольд. – Вот приедем в Лесной Край, я про него тоже гадостей наговорю!

– Не наговоришь, – уверенно заявил Карл. – Не успеешь.

– В смысле? – опешил Монброн.

– Мы начнем пить гораздо раньше, – пояснил Фальк. – У первого же поместья, если быть более точным, у барона Риволя. У нас там городов нет, одни поместья, зато в каждом из них варят свой собственный сорт пива или эля. И кабачок при поместье есть, где его попробовать можно. Наши пивоварни вообще местная достопримечательность, и путь по Лесному Краю так и называют: «Пьяная дорога». Пока мы до моего папаши доберемся, знаешь, как надеремся! Эраст, подтверди.

– Так и есть, – привычно поддакнул Карлу я.

– Ну вот, – здоровяк на чем-то поскользнулся, чуть не упал, выругался и продолжил. – А ты, когда пьяный, всегда добрый.

– Я тоже с вами поехать хочу, – внезапно подала голос Эбердин. – Это может быть небезынтересно.

– О чем речь, – повернул к ней голову Карл. – Почему нет? А потом мы еще кабана затравим и зажарим. И на медведя сходим. И на лося.

– Хорошее дело. – Эбердин повела носом и сморщилась. – А воняет тут и правда гадостно.

– Это еще ничего, – с холодком в голосе, как видно, все же обидевшись за свою родину, сказал нам Гарольд. – Вы в катакомбах не были, что под городом. Вот где смрад и мрак. Туда даже не всякий стражник рискнет отправиться. Там все городское отребье проживает.

– Ты там, разумеется, побывал? – с уверенностью произнесла Роза.

– А как же, – не без гордости ответил Монброн. – Три раза. Правда, после третьего я сказал себе, что хватит искать настолько острых ощущений. Я тогда чуть не умер, мне изрядно распороли бок, а клинок, которым это сделали, был измазан в человеческом дерьме.

– Скверная рана, – в один голос сказали я и Карл.

– Не то слово. – Гарольд потер правый бок. – Если бы не королевский маг, то не идти бы мне сейчас здесь с вами. Он тогда заразу из моей крови вытравил.

Про такое я слышал. Если дерьмо, человеческое или звериное, попадает в кровь, то все, пиши пропало. Сгоришь за пару дней, причем в жутких муках.

Нет, не хочу я в катакомбы под городом. Тем более, что в Раймилле я в подобных бывал. И вправду гиблое место. Для чужаков, разумеется.

Тем временем, переплетения улочек «черного» города закончились, мы оказались на довольно широкой улице, где было значительно светлее и даже обнаружилась кое-какая ночная жизнь, а именно несколько кабачков, которые, несомненно, работали.

– Пивка бы, – с тоской глянул на вывеску одного из них Карл. – По кружечке. И дальше побежим. Монброн, пять минут ничего не решат. И название у этого заведения хорошее – «Давай, выпей меня».

И вправду, кабачок именно так и назывался. Надо полагать, речь шла про огромную кружку, вырезанную из жести и красовавшуюся над крышей.

– Он шутит, – жестко сказала Роза и ударила здоровяка кулаком в плечо. – Поддерживает свою репутацию. Сам понимаешь, Фальк будет не Фальком, если пройдет мимо кабака, и не скажет, что туда надо заглянуть. Да, Карлуша?

– Да, – с печалью глянул на жестяную кружку Карл. – Шучу я.

Как по мне, то это и в самом деле был уже перебор. Если уж сорвались в ночь, то надо дойти до цели без остановок. Да и видно было, что Гарольд еле сдерживается от того, чтобы не перейти на бег.

Улица становилась все шире и вскоре привела нас на главную городскую площадь, как видно, ту самую, где и шло еженощное веселье, про которое рассказывал нам Монброн. Это, конечно, был не карнавал вроде того, что мы видели в Форнасионе, когда были в гостях у Луизы, но происходящее все же впечатляло. Много тут сновало народу, причем самого разного. Бродячие артисты, богато одетые аристократы, девицы всех мастей. Да и нашего брата

вора хватало, я безошибочно определил как минимум пяток своих бывших коллег по ремеслу.

Многие из присутствующих, кстати, узнали Гарольда, поскольку то и дело из толпы его кто-то окликал, а пара девиц разве что только на шею ему не повесилась.

Он отделялся улыбками и короткими фразами, ни на секунду не останавливаясь с кем-то поболтать. Хотя, как мне думается, это было бы не лишним. Узнавать новости лучше всего от вот таких людей. Они хоть, может, и добавляют от себя разной ерунды, но зато в целом расскажут все так, как есть. Им искажать действительность резона особого нет. Точнее – нет у них в этом выгоды. Приукрасить произошедшее могут, но вот сознательно сбивать с толку не станут.

А словесную шелуху и придумки всегда отделить от рассказа можно.

Площадь была велика, но и она все же закончилась, снова превратившись в дорогу. Точнее – в две дороги. Одна вела налево, к темным величественным громадам башен, мрачно смотревшимся на фоне ночного неба. Другая – направо.

– Королевский замок, – показал на башни Гарольд.

– Нам туда пока не надо, – зевнула Роза. – Нам бы к тебе в гости попасть да спать лечь.

– Так в чем дело? – Монброн двинулся по правой дороге. – Мы почти пришли.

И действительно – вскоре шум ночного веселья стих, и мы снова оказались на тихих улочках спящего города. Правда, тут мостовые были пошире, фонарей было побольше, и дома были не чета приземистым строениям «черного» города. И еще здесь воздух был чистый.

Но вот что интересно – городской стражи и здесь не оказалось. В этом городе она вообще есть?

Хотя – что там стража. Я недоуменно смотрел на дома, которые от дороги были отделены только арками без ворот и низенькими, такими, что через них можно было перешагнуть, заборчиками.

Никогда до того не видал, чтобы богачи не отгораживались от остального мира стражей, замками и стенами.

– Слушай, а у вас тут, в Силистрии что, никто никого не боится? – спросил я у Монброна, ткнув пальцем в сторону очередной арки и очень богатого на вид дома, стоящего поодаль от нее, в тени раскидистых деревьев. – Здесь только вывески для лихих людей не хватает, вроде: «Заходи, и бери что хочешь».

– Сюда ни один лихой человек не сунется, – на ходу пояснил Гарольд. – А особенно в этот дом. Здесь живет Анго Фуэн.

– Стало намного понятнее, – сказал мне Карл. – Если это дом самого Анго Фуэна, то, ясное дело, к нему никто не полезет.

– Зря иронизируешь, – без тени шутки произнес наш друг. – Фуэн один из «ночных королей» Форессы. В нашем городе нет ни одного нищего, который не платил бы ему со своего дохода. Если ты бросил грош побирушке, то можешь быть уверен, что треть от этого гроша осядет в карманах Фуэна. А вон в том доме, с золотыми колоннами, обитает Сезар Руан. На его руках крови больше, чем у иного палача, он глава гильдии наемных убийц.

– То есть всем известно, чем промышляют эти господа, и все равно власти города дают им жить в нем спокойно? – я даже остановился от удивления. – Однако!

– Мой отец всегда утверждал, что с бесстыдством Силистрии в Рагеллоне не может соперничать никто, – сообщила мне Роза, подтолкнув в спину. – Даже городок под названием Эйзенрих, в котором, по слухам, живут одни продажные девки.

Карл и Гарольд понимающе переглянулись и подмигнули друг другу. Кто-кто, а они-то знали, что все рассказы про Эйзенрих чистая правда. Помню я их помятый вид после ночного загула в этом самом городе.

А вот мне в этой связи рассказать нечего, не довелось как-то вкусить от тамошних грехов. Правда, и без приключений я не остался. Я в Эйзенрихе свел знакомство с мистресс Виталией, и после него еще недели две просыпался в холодном поту. Да и сейчас, бывает, мне под утро снится та ночь и ощущение собственного бессилия перед мрачной мощью этой женщины. И еще то, что я снова ослеп, как тогда, в покоях публичного дома. Пусть это длилось и недолго, но страх того, что подобное может повториться, со мной останется навсегда.

– Впечатлен, – признал я, догоняя Гарольда. – Но зато теперь понятно, почему здесь никто не боится ночных работничков. И правда – кто сюда сунется?

– Верно, – подтвердил тот. – Кто здесь попробует хоть что-то украсть, тот на этом свете не заживется. Очень удобно. Хотя, ради правды, обитатели «белого города» из числа старых фамилий всегда были против соседства с подобными личностями, даже несмотря на подобную пользу. Много было в свое время по этому поводу копий сломано, только без толку. Короля такое положение вещей устраивает, а с ним в Силистрии никто не спорит. Разве что только палач, у него есть такое право, подтвержденное соответствующей грамотой.

Как оказалось, и здесь все было не просто так. То, что мы видели в самом начале, это был квартал зажиточных граждан, а наш друг проживал еще дальше, на некоем подобию холма, возвышавшегося над «белым» городом. Там были уже не просто богатые дома, там разместились именно что замки старых фамилий королевства, «старого золота», как тут говорили – с башенками, с круглыми куполами, с узкими окнами-витражами, разве что только без крепостных рвов и подвесных мостов.

А вот стены вокруг них наличествовали. Ну не такие, как в герцогствах, которые в случае чего штурмовать надо с лестницами и требушетами, но все равно основательные, в два человеческих роста.

И родовое гнездо Монбронов Силистрийских окружала такая стена – крепкая и добротная. Впрочем, здесь все было сделано на совесть, в том числе и ворота – массивные, чугунные, с завитушками, увенчанные острыми пиками. А еще над ними красовался герб – огромный, с меня размером, словно кричащий о знатности фамилии, проживающей здесь.

Врать не буду – впечатляло это все. Особенно герб. Сдается мне, что на буквы, складывающиеся в девиз «Презрев смерть, дойти до цели», пошло настоящее золото, а не краска.

– Внушает, – одобрил и Карл увиденное, а после тряхнул мешком, в котором, как видно, завозился уставший от тесноты Фил. – Да угомонись ты, почти пришли. Гарольд, чего стоишь? Давай, в колокольчик позвони или еще чего сделай. Как тут у вас заведено?

– У нас тут привратник всегда был, – немного растерянно ответил ему Гарольд. – Наша фамилия гостеприимна и хлебосольна, потому друзья семьи могли посещать наш дом в любое время дня и ночи. Днем ворота всегда были открыты, а ночью вон у той калитки всегда находился привратник, дядюшка Джок. Ну или его сын. А сейчас их здесь нет и закрыто все. Сколько живу на свете, никогда такого не видел.

Карл еще раз тряхнул мешок, подошел к калитке, подергал ее, а после несколько раз ударил по ней кулаком.

– Открывай! – заорал он. – Молодой хозяин приехал. Хорош спать!

– Нет, все-таки в вас, уроженцах Лесного Края, есть что-то такое, дикое, первозданное, – сообщила мне Роза, кутаясь в плащ. Несмотря на то, что мы были на юге, под утро здесь становилось довольно прохладно. – Вы очень быстро принимаете решение в ситуациях, которые нас ставят в тупик своей непривычностью.

Карл орал еще минуты три, пока, наконец, за калиткой не раздались шаги.

– Чего надо? – спросил оттуда чей-то сонный голос. – Поди прочь, пьянчуга, пока я на тебя собак не спустил!

– Джок! – обрадовался Гарольд. – Джок, почему все закрыто? Что происходит?

– Месьор Гарольд? – неуверенно произнес голос. – Это вы? Вы живы?

Глава третья

– Как мило! – Роза всплеснула руками. – Монброн, так ты, оказывается, мертв?

– Судя по всему – да, – немного ошарашенно ответил ей Гарольд и крикнул: – Джок, это я. Живой и здоровый. Открывай!

– Не обессудьте, месьор, но тут такое дело... – Человек, находящийся за калиткой, явно колебался, принимая решение. – Скажу прямо – бывает всякое. Мой дед рассказывал, что по ночам, в час «волчьей стражи», особенно весной, приходят под двери разные твари, говорят по-людски, а сами при этом не очень-то человеки.

– Проще говоря, Монброн, у твоего привратника нет уверенности в том, что ты не выходец из-за Грани, – влезла в разговор Роза. – Ведь так, Джок?

– Ваша правда, мистресс, – подтвердили из-за калитки. – Да и вы, воля ваша, возможно не очень-то девушка.

– Что? – не знаю отчего, но это высказывание привратника изрядно рассердило Розу и рассмешило Карла, который тут же расхохотался. – Ах ты, мерзавец!

– Самое забавное в этом всем то, что я даже не представляю, как доказать Джоку, что я живой и настоящий, – обратился к нам Гарольд.

– Все очень просто, – отсмеявшись, Карл вытер слезы, выступившие у него на глазах. – Давай я перемахну через забор и открою дверь, вот и все. А после этого тебе уже будет без разницы, что там думает твой слуга. Но вообще, это безобразие. Если бы кто-то из слуг моего папаши начал раздумывать на тему, пускать меня в отчий дом или нет, то самое малое, чем бы он отделался, это сломанные ребра.

– У меня здесь собаки, – сообщил Джок, слышавший наш разговор. – Полезете через забор, я их спущу. А еще кликну охрану месьора Тобиаса. Имейте в виду, что они все в прошлом воины королевской стражи и вооружены.

– Тобиаса? – Монброн помрачнел. – А что люди дяди делают в моем доме?

– Охраняют своего месьора, что же еще? – изумился слуга.

– Но почему здесь? – повысил голос Монброн. – У него есть свой дом!

Вот так так. Сдается мне, что этот дом теперь тоже его. Добился своего дядюшка Тобиас.

Еще это означает то, что отец Гарольда мертв, при нем живом, полагаю, подобное было бы невозможно. И старший брат тоже, надо думать, уже за Гранью.

И еще. Если я прав, то лучше нам всем оказаться подальше отсюда, а то ведь дядюшкино вранье может стать правдой. Вряд ли ему нужен живой Гарольд, не просто же так он его похоронил.

Вот только вряд ли эти мои соображения найдут практическое применение. Теперь Монброн отсюда не уедет, пока во всем не разберется. Или не умрет.

Впрочем, может, я и не прав. Может, дядюшка здесь заночевал просто так, по родственному.

– Джок, отчего ты молчишь? – Гарольд забарабанил в дверь. – Отвечай, я приказываю! И открой мне дверь, если не хочешь, чтобы утром тебе кожу со спины плетями спустили! Клянусь кровью богов, я лично прослежу, чтобы мой приказ был выполнен, и не пожалею пригоршни золотых для умельцев с конюшни, которые будут трудиться над тобой! И морской соли, которой тебе будут эту спину посыпать, я тоже не пожалею!

– Молодой хозяин вернулся! – с радостью в голосе сообщил нам Джок, и загромыхал засовом. – Вот теперь я вас узнал!

Ух ты. Судя по всему, до Вороньего замка Гарольд смиренным характером не отличался. Нет, он и сейчас не подарок, разумеется, но раньше, похоже, невыполнение его приказов дорого обходилось тем, кто не принимал их во внимание.

Калитка распахнулась, и из нее буквально выкатился невысокий толстячок, абсолютно лысый и с носом, похожим на сушеную грушу.

– Месьор Гарольд, – заморгал глазами он, глядя на моего друга. – Месьор Гарольд! Как нам вас не хватало! Зачем вы уехали?

– Объясни мне, Джок, что здесь делают люди моего дядюшки? – цапнул Монброн толстяка за отвороты холщовой жилетки. – И самое главное – что с отцом? Как он?

– Помер хозяин, – пробормотал Джок, его щеки затряслись и из глаз покатались крупные, с горошину величиной, слезы. – Месяц как. Очень вас перед смертью видеть хотел, все повторял: «Лучше бы я его женил». Письма вам писал, много, каждый день. И матушка ваша писала.

– Письма? – Гарольд отчего-то посмотрел на меня. – Я ничего не получал.

– И не мог получить, – почесал бок Карл. – Мы на войне были, а они, небось, в замок доставлялись. Это если вообще они до него добрались. Ворон это дело не приветствует, ты же знаешь.

– Ворон этот! – срывающимся голосом сказал Гарольд, отпустил Джока и прислонился спиной к дверному косяку. – Я же просил его, я говорил... Отец умер. Отец... А меня не было рядом с ним.

Он запрокинул голову, на его глазах блеснули слезы, и он издал горлом звук, похожий на шипение, как будто схватил голый рукой раскаленный кусок железа.

– Ворон никогда ничего просто так не делает, – заметила Роза и положила ему руку на плечо. – Если не отпустил, значит, были на то причины. Джок, отчего умер твой хозяин?

– От болезни, – повертев головой, сказал привратник. – Старая рана у него была, да.

Знаем мы такие «старые раны», от которых люди, прежде на здоровье не жалующиеся, умирают необычно быстро, проходили на занятиях. Чему-чему, а

распознаванию бытовых ядов и изготовлению противоядий Ворон немало времени уделил.

– Я так и полагала. – Розы, как видно, подумавшая о том же самом, потеряла Гарольда. – Успокойся уже. Что случилось, то случилось. Если ты еще не понял, то тебе здесь будут не рады. Очень не рады. И сразу скажу – если ты продолжишь рыдать и корить всех в своей беде, то мы с Эбердин и Эрастом прямо сейчас убираемся отсюда.

– Почему? – удивился Карл.

– Потому что тебя можно и оставить, – бросила на него взгляд Розы. – Ума тебе боги не дали, зато везения и силы на пятерых отвесили, так что ты выпутаешься из этой истории. Больше скажу – случись что серьезное, не дай боги, то мы все погибнем, а именно ты непременно уцелеешь. Иногда я твоей везучести даже завидую.

– Нет, – помотал головой Карл. – Я не о том. Почему ты думаешь, что Эраст отправится с тобой, а не останется с Монброном?

– Потому что это де Фюрьи, – ответил вместо нее своим обычным голосом Гарольд. – Она непременно добивается своего. Ты права, Розы, как и всегда.

Он вытер ладонью глаза и глубоко вздохнул.

– Джок, ты должен рассказать мне все, – требовательно произнес Гарольд. – То, что было на самом деле, а не то, что ты должен говорить всем.

Лицо толстяка жалобно скривилось.

– Я ничего не знаю, молодой хозяин, – пробормотал он. – Правда не знаю. Я всего лишь привратник. Ворота туда-сюда открываю и закрываю.

– Значит, так, – Карл сгреб в горсть воротник рубахи Джокса. – Слушай меня сюда внимательно. Вот, видишь мешок?

– Вижу, – испуганно проблеял привратник. – Вижу, мой господин.

– Хорошо, – Карл угрожающе засопел и выдвинул вперед челюсть. – А знаешь, кто там сидит?

– Пчелы? – неуверенно предположил Джок.

– Нет. – Карл пару раз ткнул кулаком в мешок, а после распахнул его и поднес его к самому носу привратника. – Это злобный и беспощадный зверь «мозгоед». Он своими ветвями протыкает головы людям, а после питается их мыслями и чувствами. Ну и всем остальным тоже. Мозги там, глаза...

Озверевший от тесноты Фил и так был зол, а последние два удара Карла, похоже, привели его в бешенство. К тому же я последние три дня не кормил его, к своему великому стыду, что вряд ли добавило ему доброты. То одно, то другое, вот и забыл. Хреновый я хозяин, надо признать.

Из горловины мешка раздалось свирепое щелканье, а после вверх взметнулся десяток ветвей, стегнув Джока по щекам.

– А-а-а-а! – заорал было привратник, да так, что у меня уши заложило.

– Не ори, народ разбудишь, – приказал ему Карл, а мигом сообразившая что к чему Эбердин зажала Джоку ладонью рот. – Молодец, Эби, нам шум ни к чему. Странно, что до сих пор здесь никто не появился. Паршивая, видать, у дядюшки Тобиаса охрана, поспать любит. Не проживет он долго с эдакими телохранителями, я так думаю.

Что-что, а определенная слаженность в действиях у нас имелась, сказывался опыт совместных занятий, путешествий и лишений, потому уже через минуту калитка была закрыта, а Карл волок поскуливающего Джока к аккуратному домику, стоящему неподалеку от ворот. Это было обиталище нашего привратника.

– Вот теперь поговорим, – подытожил Карл, ввалившись в небольшую комнату, которую освещала свеча, стоящая на захламленном столе. – Эби, присмотри за входом. Розы, солнышко, возьми мешочек, и если наш щекастый друг не захочет откровенничать со своим молодым хозяином, то выпускай «мозгоеда». Только аккуратно выпускай, чтобы он на нас не бросился. Я не хочу, чтобы моя душа

вечно скиталась по Серым Равнинам, не находя себе приюта.

Рози выставила ладони перед собой и испуганно сказала:

– Нет уж! Я его боюсь до колিক в животе. Давай я лучше с тобой пересплю, чем прикоснусь к этой твари из Бездны Демонов!

Лицо Джокка из белого стало серым, а глаза остекленели. Он не шевелясь сидел на табурете и, похоже, был близок к тому, чтобы лишиться чувств.

– Не надо мешка, – Гарольд взял второй табурет и сел напротив привратника. – Сейчас нам все расскажут, без утайки и недомолвок. Верно?

– Расскажу, – подтвердил Джок. – Что знаю – расскажу. Но, молодой хозяин, сразу оговорюсь – я сам ничего не видел, мне в замок ходу, кроме как на кухню, нет. Могу рассказать, что от других слышал.

– Ты не тяни, начинай, – поторопил его я.

Не знаю почему, но мне казалось, что времени у нас не так и много. Начинало светать, а это означало, что скоро первые слуги примутся за свои дела. Кухарки начнут растапливать плиты, горничные заснут туда-сюда. По крайней мере, в доме Агнесс де Прюльи, у родителей которой во время нашего прошлогоднего летнего путешествия мы прожили несколько дней, было заведено именно так.

А это означает, что очень скоро наше присутствие перестанет быть тайной. И когда это случится, хотелось бы понимать, что именно нас может ждать в доме нашего друга. Хотя, если начистоту, уже сейчас было ясно, что дело дрянь.

– Слуги говорят, что не сам ваш батюшка помер, – выпалил Джок на одном дыхании. – В том смысле, что помогли ему за Грань уйти.

– Я понял, – придвинулся к привратнику Монброн. – Ближе к делу.

– Да куда уж ближе? – захлопал глазами Джок. – Выходит, что убили нашего старого хозяина. Сюзен так и сказала: «Удавил этот кучерявый хрен месьора, подушкой задушил». Это не та Сюзен сказала, что при кухне служит, а та, что

горничная. Ну, о которой шептались лет пять назад, что она от батюшки вашего, стало быть, понесла.

– Данные подробности можешь опустить, – остановил его Гарольд. – Я хорошо помню эту историю.

И он бросил короткий взгляд в сторону прыснувшей Розы. Да я и сам еле удержался от смешка. Как видно, отец нашего друга, да пребудет душа его в свете, при жизни был еще тем проказником.

– Странно. – Розы, по виду которой было понятно, что ей неловко от несвоевременного веселья, решила как-то внимания от данного факта, а потому встряла в разговор. – Я была уверена, что в дело пошел яд.

– И про яд говорили, – закивал Джок. – Только наш хозяин крепкий был, что ему какая-то отравка!

– Тварь. – Гарольд впечатал кулак в стол так, что тот жалобно скрипнул. – А что Генрих? Что мой брат? Он тоже мертв?

– Жив он, жив, – отвел глаза в сторону привратник. – Только вот, не в обиду будь сказано, брат ваш не в отца пошел. И не в деда. Что дядюшка ваш говорит, то он и делает. Даже когда старого хозяина в фамильную усыпальницу везли, не первым он за гробом шел, а вторым, следом за новы... За родичем вашим. Хотя всякий знает, что первым за гробом старший сын идет, за ним остальные, а уж потом вдова и братья с сестрами.

– Генрих, Генрих, – скулы Гарольда побелели от злобы. – Всегда он слабым был, всегда чего-то боялся.

– Воля ваша, а я его понимаю, – пробормотал Джок. – Жить-то всякий хочет. Вот Лиам, сокольничий вашего отца, заявил было, что месьюр Тобиас убийца, и что?

– И что? – тут же спросила у него Розы.

– А то. – Джок, как видно, немного отпустил страх, и он начал говорить поживее. – Через день нашли его неподалеку от дома, с перерезанным горлом и

вывернутыми карманами. Вроде как грабители его убили. А ведь всяк в доме знал, что он хоть и постарел, но силы своей не растерял и кинжалом орудует ого-го как.

– Лиам был умелый воин, – подтвердил Гарольд. – Он отцу с юности служил, во всех битвах прикрывал ему спину. И меня драться на боевых топорах учил.

– Саймон-лучник сгинул неизвестно куда. Рицци тоже, и еще несколько человек из тех, что были верны вашему отцу, – продолжил Джок. – А куда? Ответа нет.

Куда, куда... Лежат где-нибудь, землей присыпанные. А может, с камнем на шее в пруду рыб кормят.

– А дядюшка, стало быть, теперь себя хозяином почувствовал здесь? – подытожил Гарольд.

– Так оно и есть, – подтвердил привратник. – Поговаривают даже, что скоро король ему бумагу даст на то, чтобы он на матушке вашей женился и полноправным владельцем всего состояния семьи Монбронов стал.

– А тетушка Маргарет? – уточнил Гарольд.

– Так она уже года как полтора в усыпальницу переселилась, – бойко ответил Джок. – Простудилась, говорили, сильно. За неделю сгорела. Так что дядюшка ваш опять мужчина свободный.

– Ну да, все верно. – Роза щелкнула пальцами. – Траур по усопшему супругу в Силистрии длится год, но король вправе сократить его срок или вовсе отменить. Генрих перед королем отрекается от наследства, твои сестры не в счет, им разве что приданое надо будет выделить, если кто на них жениться надумает, так что главная наследница твоя мать. Точнее – ее будущий муж, ибо состоянием всегда управляет мужчина. А тебя вообще в расчет не берут, Монброн, потому что ты умер.

– Умер, – неистово закивал Джок. – Про то и письмо было, сразу после того, как старого хозяина в усыпальницу, стало быть, определили. Мол – погиб месьор Гарольд Монброн на войне, где-то в западных землях, пал при штурме какой-то

крепости как герой.

- Это Кройцена, что ли? - спросил у нас Карл. - Вот дела!

- Какая поразительная осведомленность, - заметил я. - И про войну, и про штурм. И еще - как скоро вести сюда донеслись. Сколько с осады прошло? Месяца два? А здесь уже про это знают. Как по мне - это быстро. Причем письмо-то не морем шло. Понимаете, о чем я говорю?

- Скажи мне, ты еще что-то хочешь спросить у этого бедолаги? - поинтересовалась Роза у Монброна, переваривающего новости, и показала рукой на привратника.

- Да нет, - отмахнулся тот. - Что он мог, то уже рассказал. Об остальном я либо догадываюсь, либо про это надо узнавать у людей, которые ситуацию знают куда лучше. Например, у того же Генриха.

- Резонно. - Роза наклонилась над Джоком. - Послушай меня, дружок. Сейчас ты забудешь все, что было. И то, что ты нам что-то рассказывал, и то, почему ты это сделал. Поверь, это в твоих интересах, причем полностью. Сам подумай, что с тобой сделают люди дядюшки Тобиаса, если узнают, что ты развязал перед младшим сыном покойного месьора Монброна язык. Ну а если они тебя за это не прирежут, что вряд ли, то тебе сильно не повезет. Тогда с тобой за болтливость рассчитаемся мы. Ты ведь знаешь, куда два года назад отправился твой молодой хозяин?

- На колдуна учиться, - пролепетал Джок, уже поняв, в какую сторону гнет эта красивая благородная мистресс, и глядя на нее так, как птичка смотрит на подползающую к ней змею.

- Верно, - одарила его улыбкой Роза. - И он преуспел в этом деле. Мы все тоже учились с ним. Причем хорошо учились. И, если будет надо, устроим тебе такую длинную предсмертную агонию, что ты непосредственно кончины будешь ждать как спасения.

- Я все понял, - заверил ее Джок. - Да я вас вообще не видел!

– А вот тут погоди. – Роза повернулась к Карлу. – Фальк, вытащи-ка его наружу и вон под дерево положи. Только ноги сначала ему свяжи, от греха. И руки. А еще рот заткни.

– Да, это правильно, – одобрил я ее действия. – Ни к чему ему слышать наши разговоры, тем более что обсудить есть чего.

– За что люблю фон Рута, так это за то, что он мало что делает, но всегда произносит последнее веское слово, – хмыкнула Эбердин.

– Это тоже талант, – заступилась за меня Роза. – Говорить можно много, но прислушиваются всегда к тому, кто подводит итоги.

Карл тем временем спутал Джоку ноги и руки позаимствованной у него же веревкой, поворошил на столе валявшийся там хлам, отыскал какую-то тряпицу, заткнул ему рот и, забросив себе на плечо, покинул домик.

Вернулся он через пару минут, пахнувший утренней росой.

– Скоро рассвет, – сообщил он нам. – Так что, если чего решать – то быстро.

– Разумные слова, – одобрительно кивнула Роза, подошла к нему и резко стукнула кулачком в лоб. – Это тебе за «мозгоеда».

– Чего? – возмущенно пробасил Карл. – Чем плоха была идея? Вон старика как перекосило!

– Фальк, ты идиот! – потрясла руками в воздухе моя девушка. – Невероятный идиот, небывалый! Какое счастье, что мы не можем иметь детей! Тебе нельзя размножаться, это может привести к гибели мира! Я не очень его люблю, мне многое в нем не нравится, но все-таки я не хотела бы, чтобы он сгинул!

– Как много слов говорит твоя женщина, – пожаловался мне Карл. – Ужас просто!

Я пожал плечами, давая понять, что остановить Роза все равно не представляется возможным. При этом я прекрасно понимал, что она имеет в виду, и был с ней согласен. Дурака Карл сваял невероятного.

– Фальк, все очень просто, до такой степени, что это даже не смешно, – с жалостью проговорила Роза. – Если Джок сболтнет про увиденное кому-то из прислуги, то уже через час все вон в том здании будут знать о том, что мы держим при себе тварь из Бездны. Демона, проще говоря. А если это так, то мы черные маги или того хуже. Новость непременно дойдет до ушей дядюшки Тобиаса, после чего ему останется лишь совершить неспешную конную поездку в ближайшую миссию Ордена Истины. В Силистрии терпимо относятся к магам, но к тем, кто не практикует черную магию. А нас со всем усердием и прилежанием, разумеется, после допросов с пристрастием в экзекуторских, сожгут именно как прислужников Тьмы. И никакие доводы на служителей Ордена не подействуют. Им в радость лишний раз показать народу Силистрии, что они о нем пекутся, а королю на нас вообще плевать. С чего ему нас защищать? Отец Монброн мертв, а близ него новый придворный, которому больше доверия, чем любому из нас.

– Вот же. – Карл потрянул мешок, в котором зашебуршился Фил. – Я и не подумал.

– Вернулись к тому, с чего начали. – Роза посмотрела на дверь. – Монброн, тебе очень дорог этот привратник? Я его, конечно, напугала, но все равно опасность того, что он развяжет язык, существует.

– Не то чтобы... – задумался Гарольд. – Но уже почти рассвело.

– И потом – куда труп девать? – заметил я. – Не тут же закапывать, правда?

– Ладно, оставим это на потом. – Роза подошла к столу и побарабанила по столешнице пальцами. – Сейчас самое главное решить, что делать дальше.

– Что предлагаешь? – поднял голову Гарольд и взглянул на девушку. – Судя по всему, из нас всех именно ты сегодня мыслишь разумнее других.

– Я? – пальцы Розы выдали дробь, похожую на стук копыт. – Вам, мальчики, не понравится то, что я хочу предложить. Это не в вашей натуре. Но тем не менее. Лично я бы сейчас на нашем месте прирезала привратника, тихонько покинула дом через ту же калитку, в которую вошли, прикупила лошадей за любую цену и к тому моменту, когда взойдет солнце, постаралась удалиться от Форессы мили на три минимум. А лучше – на пять. И гнала бы этих лошадей без жалости до

самой границы с соседним королевством.

– Бежать из своего дома. – Гарольд потер щеки ладонями. – Звучит как бред.

– Это самое разумное из того, что может быть на текущий момент, – жестко произнесла Роза. – И не бежать, не бежать, не передергивай. Это политика, Монброн. Нет, это даже не политика. Это борьба за место под солнцем, а она другой не бывает. Ты здесь и сейчас один. Тебе нужна поддержка. И самое лучшее, если это будет поддержка венценосная. Фольдштейн, вот куда тебе следует направиться. К Рою Шестому. Он влиятельный монарх и твой родственник по материнской линии. Возьми он тебя под свою защиту – и полдела сделано.

Я, Карл и Гарольд тут же обменялись взглядами. Повод для этого был веский.

– Э-э-э-э, – протянул Гарольд. – Не факт, что он захочет это сделать. Видишь ли, прошлым летом получилось так, что я... Точнее мы. Да. Мы с ним немного повздорили.

– Как? – опешила Роза, не зная истории о том, как я послал короля Фольдштейна куда подальше. – Каким образом?

– В Форнасионе, – уклончиво ответил Монброн. – Как раз в тот вечер, когда Рой Шестой лишил Аманду титула и наследства.

– Как видно, кто-то мне не все рассказал? – уточнила у меня де Фюрьи.

– В целом Роза права, – бодро произнес я, стремясь неприкрытой лестью увести разговор в сторону. – Нет, кое в чем она ошиблась. Ты не один, дружище, с тобой мы. А все остальное – верно. Отдельно замечу, что с королем повздорил я, на тебя он особо не гневался. Тем более что ты тогда чудеса боя на ристалище демонстрировал, да и родство кое-что значит. Надо в Фольдштейн ехать. Что до меня – отсижусь где-нибудь на границе с этим королевством. Найду местечко поглуше, да там вас и подожду.

– Ерунда это все, – бухнул вдруг Карл. – Сколько мы в этот Фольдштейн добираться будем? Он у демонов на закорках находится, на границе с

королевством эльфов. Туда месяц с гаком, обратно столько же, да там невесть сколько. Пес с ним, что нас потом Ворон за такую долгую отлучку с дерьмом съест, не привыкать. Но вот Тобиас за это время на мамке Гарольда сто раз жениться успеет. Тем более, что она, я так понимаю, не сильно сопротивляется.

– Фальк, ты все-таки о моей матери говоришь, – возмутился Монброн.

– Да верно все, – Роза шмыгнула носом. – Даже удивительно такие разумные вещи от него слышать. Тогда – Асторг. Пути туда две недели и, что немаловажно, там никому на границе отсиживаться не придется. И все вопросы будут решены очень, очень быстро.

– Гейнард, – понимающе кивнул Гарольд. – Ты о нем?

– Именно, – подтвердила она. – Это – вариант. Хороший вариант.

Карл недовольно поморщился, он не любил, когда разговор сходил на темы, которые ему непонятны.

Хотя, если честно, этого никто не любит. Кому приятно глазами хлопать и гадать, о чем речь идет?

– Гейнард – мой брат, – пояснила Роза, верно расценив гримасы Фалька. – Он частый гость в Форессе и вхож в королевский дворец. Дело в том, что здесь, в Силистрии, нет добычи серебра. Совсем. И в Алессии нет тоже. И в соседних королевствах с этим делом никак. Зато Асторг славится своими серебряными жилами, и именно он поставляет этот металл сюда, на Юг. Что особенно приятно, непосредственно в Силистрию идет серебро с рудников, принадлежащих семейству де Фюрьи. Само собой, это обеспечивает дружеские отношения нашего дома и монаршей фамилии. В свою очередь, дом де Фюрьи будет рад оказать услугу представителю славного семейства Монбронов Силистрийских и восстановить справедливость, встав на защиту его чести и интересов.

Почему-то я просто-таки уверен в том, что она с самого начала знала, что в Фольдштейн никто не отправится.

А еще мне кажется, что если дело выгорит, то семейство Монбронов Силистрийских непременно чем-то за это будет расплачиваться. Не знаю, как именно, но это будет что-то весомое.

- Знаешь, Роза, ты права, - неторопливо, я бы сказал задумчиво произнес Гарольд. - Пожалуй, самое верное это обратиться за помощью к твоей семье. Тем более, что в этом случае можно быть уверенным в том, что результат воспоследует, и довольно быстро. А уж в том-то, что нас никто пальцем не тронет, можно вообще не сомневаться. Защита семейства де Фюрьи - это весомая гарантия безопасности.

- Но? - поторопила его Роза и показала на окошко, за которым уже не было ночной тьмы, там колыхалась предутренняя серость. - Если можно - побыстрее.

- Но - нет, - покачал головой Гарольд. - Извини - нет. Дело не в том, что я гордый или смелый. И уж точно не в том, что я знаю цену этой услуги. Наши корабли, верно? Торговые маршруты, связи в портах и на таможнях Рагеллона?

- И табак, - без тени смущения подтвердила Роза. - Ваш табак славится везде, моя семья хотела бы получить монопольное право на его закупку.

- Если останусь живым, то она получит эту монополию, - заверил ее Гарольд. - Так я продолжу. Дело не во всем этом. Я откажусь от твоего плана по более простой причине.

- Ну-ну, - топнула ножкой Роза. - Мне до смерти интересно, в чем тут дело?

- Просто я идиот, - обезоруживающе улыбнулся Гарольд. - Ну не могу я так защищать свою честь. Через кого-то, чьими-то руками. Не могу. Не научили меня этому. Отец не научил. Он сам был прямой как шпага, и от меня того же требовал. Если я сейчас отсюда уеду, если отдам право мести чужим людям, то перестану быть собой. Был Монброн - и нет Монброна.

- Если ты тут останешься, то все равно этим и закончится, - усмехнулась Роза. - Правда, немного в другом ключе, но смысл тот же.

– Пусть, – кивнул Гарольд. – Пусть. Но никак по-другому не получится. Потому и говорю тебе, что я вот такой вот дурак.

– Не-не-не, – помахала рукой Розы и показала на меня. – Дурак вот он, а ты, как сам верно заметил, идиот.

– Уезжайте, – встав с табурета, попросил нас Гарольд. – Здесь все будет очень плохо, и я не хочу, чтобы вы подвергали свои жизни риску. Я очень прошу вас – поступите так, как сказала де Фюрьи. Выйдите вон в ту калитку, купите лошадей и постарайтесь побыстрее покинуть земли Силистрии.

– Смысл спешить? – удивилась Эбердин. – Без тебя мы никому не нужны, кто за нами гнаться станет? И вот что, Монброн. Как по мне, ты не идиот. Ну или я не лучше тебя, выходит. Я бы тоже не уехала. Да и сейчас никуда не собираюсь, это так, для сведения.

– Что до меня, то тут все совсем просто. – Я распахнул окно и с удовольствием вдохнул утренний прохладный воздух. – Здесь было верно замечено, что я дурак, а потому и поступлю соответствующим образом.

Самое забавное, что душой я не кривил совершенно. Сказал то, что думал. Нет, это не благородство, невесть откуда взявшееся, во мне выиграло, что-то из ничего не появляется. Просто почти все мои друзья – они находятся здесь и сейчас. И мое место рядом с ними, потому что они – это все, что у меня есть.

– Уезжать куда-то без завтрака – это дурной тон, – назидательно произнес Фальк. – Утром нас вряд ли станут убивать, а значит, точно покормят. Что до ядов – можете не бояться. Маг из меня пока выходит неважнецкий. Никакой, если совсем уж напрому. Но несколько заклинаний я освоил в совершенстве, одно из них как раз по этой части. Оно полностью нейтрализует природные яды. Чародейские – нет, а обычные только так.

– С кем я связалась? – совсем опечалилась Розы. – Как дети, честное слово. И, главное, вы на меня дурно влияете. Я, вместо того чтобы сейчас быстренько удрать домой, с вами почему-то остаюсь. Зачем – самой непонятно.

– Да все тебе понятно, – подошел я к ней и обнял за плечи. – Просто меня одного оставлять не хочешь.

– Да пропади ты пропадом, – Роза шутливо щелкнула меня по носу. – Карл, тащи сюда этого толстяка. Давай с ним еще немного пообщаемся о всяком разном.

Глава четвертая

Карл втащил Джока в домик и снова усадил на табурет. Того ощутимо потряхивало, то ли от холода, то ли от страха.

– Скажи мне, любезный Джок, вот какую вещь, – Роза присела на краешек стола. – Тебе...

– Я очень хочу жить, – истово проговорил Джок. – Очень, светлая госпожа.

– «Светлая госпожа», – Роза явно понравилось, что ее так назвали. – А ты хитрюшка, Джок, знаешь, как угодить женщине. Я вообще про другое хотела спросить, но ладно уж. Значит, хочешь жить?

– Еще как, светлая госпожа, – в тоне Джока что-то неуловимо изменилось. – Я сделаю все, как вы скажете.

Нет, этому человеку верить нельзя. Он будет молчать ровно до той поры, пока на него кто-нибудь другой не нажмет посильнее. Специально предавать не побежит, но не более того.

– Хорошо. – Роза потрепала привратника по потной красной щеке. – Значит, слушай меня очень внимательно. Ты нас не видел. Нас тут вообще не было, ясно? Ночь прошла спокойно и тихо.

– Самый разумный вариант, – негромко произнес Гарольд. – Согласен.

– Так оно и было, – обрадованно подтвердил Джок, тоже смекнув, что мы надумали сделать, и, несомненно, узрев в этом свою выгоду. – Ночь как ночь, никто в ворота не стучал, а я вообще спал и ничего не видел.

– Сделай то, о чем тебя попросили, и я не забуду твоей преданности, – негромко сказал Гарольд. – Ты знаешь, что Монброны щедро награждают тех, кто хранит им верность, и безжалостно карают тех, кто предает их доверие.

– Если мы собираемся отсюда сматываться, то самое время, – глянул в окно я. – Солнце встает.

– И не дай тебе боги, – Карл поднес к носу Джокса свой кулак. – Я красиво говорить не умею, но зато кости ломаю очень ловко.

Он разрезал веревки на ногах и руках привратника, а после закинул мешок с Филом на плечо.

– Кости – это не страшно, – пробормотал привратник. – Вот та тварь, что у вас за спиной – это да.

– Да нет там никого, – рассмеялась Роза. – Это была просто иллюзия. Неужели ты думаешь, что мы будем таскать с собой какую-то тварь из Бездны, да еще и вот так, без магических оков?

– Само собой, – поддержал ее я. – Да и потом – сказки это все. Нет никаких тварей из Бездны.

– А кто меня по лицу хлопыстнул? – недоверчиво спросил Джокс, растирая запястья. – Щека до сих пор ноет.

– Иллюзия, – мягко произнесла Роза. – Все это – иллюзия. Мы убедили тебя в том, что это было по-настоящему.

– А я ведь поверил! – покрутил головой привратник. – За чистую монету принял. Ладно, молодой господин, друг ваш прав, идти вам пора, коли вы оставаться не надумали. Скоро кухарки проснутся, а они глазастые до ужаса.

Уже за воротами, отойдя подальше от родового гнезда Гарольда и устроившись в небольшой беседке, которая стояла в уютном скверике, Карл недовольно сказал нам:

– Зря вы сказали ему, что нет никакого «мозгоеда». Страх действенная штука, помогает держать язык за зубами.

– Возможно, – кивнула Роза, привалившись к моему плечу. – А может, и нет. Страх изматывает, и в какой-то момент он может подумать о том, что легче нас сдать дядюшке Гарольда или Ордену Истины, чем каждый день ждать, когда за ним эта тварь пожалует. Так сказать – устранить причину страха. Этот Джок вообще гнилой человек, сразу видно.

– А я раньше этого не замечал, – заметил Гарольд. – Ну есть он – и есть. Он для меня вообще был частью ворот, живым механизмом, который их открывает и закрывает. Странно, что я имя-то его вспомнил.

– Как бы он вообще к дядюшке сразу не побежал, – мрачно высказалась Эбердин. – Мы за порог, он к нему.

– Не исключено и такое, – признала Роза. – Но только втихую никого прирезать не получится, потому что о возвращении младшего Монброна через пару часов узнают все, кому это интересно. И Ордену Истины он нас тоже вот так запросто не сдаст. Повода для этого мы ему не дадим.

– А Фил? – тряхнул зашевелившимся мешком Карл. – С ним как быть? Он ведь живое подтверждение нашей вины.

– Фил останется с тобой и Эбердин, – сообщил ему Гарольд. – Де Фюрьи, ты же ведь тоже самое хотела предложить, я угадал?

– Именно, – лучезарно улыбнулась Роза. – Приятно, что наши мысли сходятся, значит, есть в этом рациональное зерно.

Поименованная парочка слушала этих двух стратегов с легким непониманием на лице, я же, кажется, начал догадываться, что они задумали.

– Поясни, – потребовал Карл.

– Все просто. – Роза зевнула, прикрыв рот ладошкой. – Ох, спать охота. Так вот – ты и Эбердин с нами в замок Монброна не пойдете. Вы снимете номер в какой-

нибудь гостинице, не самой паршивой, но при этом не слишком дорогой, и будете наблюдать за развитием событий. Проще говоря – отныне вы наш скрытый резерв.

– Так себе идея, – заявил Фальк. – Не дело это. Поодиночке нас перебить легче. Эраст, скажи им.

– План неплох, – к великому разочарованию моего земляка, не поддержал его я. – Но в нем есть слабые места. Например – как они смогут наблюдать за происходящим из гостиницы? Случись что с нами, так они про это и не узнают.

– Не с нами, а с вами, – поправила меня Роза. – Я допускаю то, что могут прикончить Монброн и даже тебя, поскольку, прости уж, здесь, в Силистрии, о Лесном Крае не всякий слышал. Но не меня. Если даже дядюшка Монброн круглый идиот, то он все равно не станет убивать в своем доме представителя рода де Фюрьи. Наша фамилия слишком хорошо известна в Рагеллоне. Ночью в переулке вогнать нож под ребро – возможно. Но я ему такого шанса не дам.

– Ты не ответила на мой вопрос, – восхитившись тщеславием Розы, заметил я. – Как они будут наблюдать за происходящим?

– Подумаем. – Роза очень не любила, когда ее планы не принимались безоговорочно, потому в голосе у нее появились раздраженные нотки. – Меня сейчас гораздо больше интересует другой вопрос. Монброн, ты, вообще, чего хочешь? Какова наша цель?

– Кстати – тоже интересный вопрос, – поддержал де Фюрьи я. – Правильный, я бы сказал. Ворон еще на первом году обучения нам сколько раз говорил, что важно знать конечную цель пути еще до того, как ты сделаешь первый шаг.

– Загнали в угол. – Монброн потер виски. – Понимаю, что прозвучит дико, но я и сам этого не знаю. Сначала я хотел сразу убить дядюшку, при первой же возможности. Вроде бы это самое простое решение, но вот только последствия будут не самые радужные. У него тоже есть родня, за ним стоит фамилия его покойной жены, и, если докажут мою причастность к убийству, то она набросится на мой род. На поддержку короля в этом случае рассчитывать не приходится, Генрих не сможет выиграть эту войну, а я не могу все время находиться здесь. Опять же – у нас не любят убийц, даже если они принадлежат

к знатным фамилиям. Может, меня и не казнят, но изгнание будет гарантировано.

– Ну организовать подобное не самая большая проблема, – сообщил ему я. – Изучим его распорядок дня, найдем нужных людей, подберем подходящее место...

– Эраст, я спишу твои слова на усталость, – коротко глянул на меня Гарольд. – Если уж и убивать его, так это должен сделать я сам, своими руками. Это месть, это воздаяние, это вопрос чести. А то, что предлагаешь ты... Чем я тогда от него отличаться буду? Он ведь делал то же самое, если ты забыл.

– Лирика это все, – проворчал я. – Война всегда хороша для того, кто ее выиграл, и всегда плоха для того, кто потерпел поражение. Она списывает все грехи с победителя и переносит их на того, кто стал проигравшим.

– Я рад, что ты заучиваешь наизусть изречения нашего наставника, – в голосе Монброна проскочил сарказм. – Но тут другое. Да, ты прав, нет дядюшки, нет проблем. Но поступи я так, как он, и быть мне другим человеком, не тем, что я сейчас. Не хочу я этого, Эраст. Не хочу, понимаешь? И потом, поединок – вот единственный способ покончить с ним. Честный, открытый, где-нибудь на Судной площади, при куче зрителей и свидетелей. Но вот он-то как раз и невозможен. Мы родичи, а потому безосновательно бросать друг другу вызов на бой права не имеем, таков один из законов Силистрии. Лет двести назад его приняли, дабы знатные фамилии себя не извели под корень. Так что теперь получить такое право я могу только в присутствии короля, и только предъявив веские доказательства вины дядюшки.

– Хорошо, – примирительно сказал я. – Тогда что нам делать? Доказывать его причастность к убийству твоего отца, я так понимаю? Но – как?

– Не знаю, – устало сказал Гарольд. – Чуть ли не впервые в жизни – не знаю. Всегда мне было понятно, что делать. Есть законы чести, с ними все ясно, они четко трактуют, что хорошо и что плохо. Есть законы войны, там вообще все просто – вон свои, вон чужие. Даже с тем, чему нас учит Ворон, и то какая-то понятность есть. Некромантия запрещена, но если наставник говорит, что ее надо нам знать, то он прав, потому что он наставник. А здесь... Все, что я пока придумал, это войти под отчие своды и попробовать во всем разобраться на

месте. Поговорить с матерью, с Генрихом, даже с сестрами, хотя это, скажу заранее, дело пустое. Понять, на чьей стороне личная гвардия дома Монбронов. Джок сказал, что трое ветеранов, наиболее преданных отцу, мертвы, но остались и другие. Не может быть, чтобы они все так быстро изменили своему слову.

– Они уверены, что ты мертв, – вставил свое слово Карл. – Когда выяснится, что это не так, то их точка зрения на происходящее может измениться.

– Именно, – кивнул Гарольд. – На это и расчет. Ну и самое главное. Надо понять, насколько ослабли позиции моего дома при королевском дворе.

– И насколько усилились позиции твоего родича, – добавила Роза. – Это очень важно.

– А самое главное в этом, что дядюшка твой не такой прекраснотушный и честный, как ты, – жестко произнес я. – Он будет вставлять тебе палки в колеса во всем, в чем только можно. И, можешь быть уверен, о поединке даже и думать не станет, а сразу начнет подыскивать людей для того, чтобы тебя при первом же удобном случае отправить к Престолу Богов.

– Знаю, – невесело подтвердил Гарольд. – Потому и просил вас уехать, но вы же упрямые, не хотите. В результате, будут пробовать убить меня, а зацепить могут вас.

– Ну это мы еще посмотрим, – беспечно, как и всегда, отмахнулся Карл. – Я, правда, все равно не понял, как мы будем узнавать о том, что у вас происходит, но в целом картина мне ясна. Вы копаете под дядюшку в родовом замке Монбронна, мы с Эбердин сидим в гостинице.

– Не просто сидим, – сурово заявила Эбердин. – Мы собираем слухи. На самом деле простой люд много чего знает, чего видит.

– И время от времени встречаемся, чтобы обмениваться информацией, – добавил Гарольд.

– А если вас все-таки убьют, то я подстерегу твоего дядюшку и прикончу его, – добавил Карл. – Мне проще, я не силистриец, не его родич и не отягощен излишними принципами, уж извини.

Как по мне, это все-таки самый правильный путь. И самый быстрый. Выждать деньков пять в замке, потом изобразить отъезд, а после этого вернуться темной ночью и прирезать этого паскудника в постели. Или на улице подстеречь и из арбалета его пристрелить. Да мало ли хороших вариантов? Жаль, Монброн на них не согласится.

– Если я буду мертв, то точно не стану тебе мешать, – рассмеялся Гарольд. – Ффу, как-то легче стало. Знаете, по-моему, самое страшное в жизни – это неизвестность. Когда непонятно, что делать, или непонятно, куда ехать. Вот ты стоишь на одном месте, как та сороконожка из детской сказки, и думаешь, с какой ноги тебе шагнуть. А сейчас появился план, пусть даже кривой и косой. Не знаю, как вам, а мне стало значительно спокойнее.

– Это все оттого, что раньше ты думал только о себе, – сочувственно глянула на него Эбердин. – Только за себя решения принимать просто, а еще и за других – тяжело.

– Твоя неправда, – заступился за Гарольда я. – Прошлым летом он нас в Гробницы вел и главным был.

– Он знал, куда идти и какова цель, это другое. Поход есть поход, и даже если в нем кто-то гибнет, то такова воля богов, – не согласилась со мной подруга Розы. – А тут другое. Тут честь клана на кону. Ну, рода, по-вашему. Ошибись он – и все. А, может, не только честь, но и жизнь. Знаешь, слава предков и будущее потомков – это такая штука, раз обделаешься, потом за сто лет не отмоешься. Все сложно, короче.

– Эк ты закрутила, – сдвинул шляпу на затылок Карл. – Как по мне, все гораздо проще.

– Мне надо будет отправить письмо домой, – деловито заявила Розы. – Мы с Монброном так и не ударили по рукам, но, думаю, это еще впереди, поддержка все равно понадобится. Тем более, что все детали сделки ты все равно будешь обговаривать не со мной, а с моим братом Гейнардом. Я всего лишь глупая

женщина, к тому же с массой недостатков, вроде моей принадлежности к магическому сословию.

– Глупая женщина! – рассмеялся Монброн. – Дай мне боги в этой жизни больше таких глупых женщин, как ты, не встречать, мне тебя одной достаточно. Ладно, теперь к деталям. Время уходит, скоро на улицах прибавится народу. Не надо, чтобы нас видели вместе.

Через полчаса мы расстались с друзьями. Они остались в беседке, из которой через часок отправятся в гостиницу «Крылышко и ножка». Ее им порекомендовал Монброн, сказав, что там, со слов его приятелей, очень неплохая кухня и покладистая хозяйка. Мы же поспешили к торговым рядам, которые находились не очень далеко от «белого» города. Надо было прикупить лошадей для второго прибытия в Форессу. Оно, по нашим планам, должно было выглядеть достаточно представительно, и тут без лошадок никак не обойтись.

Впрочем, подозреваю, что сама мысль пешего прихода в родной дом, в смысле – на глазах у всех, Гарольду была изначально неприятна, не сказать – неприемлема. Одно дело ночью, когда темно, другое – днем, при свидетелях. И его можно понять. Ладно, что сапоги в пыли, плащ без золотого шитья и у шляпы немного поля обвисли, дорога, знаете ли, она разные сюрпризы в себе таит. Но пешком, на своих двоих, наследнику знатного рода?

Да и Роза придерживалась того же мнения.

Что до меня – я смотрю на это проще. Но именно мне и пришлось платить за лошадей, поскольку у моих приятелей денег почти не осталось. И спасибо еще, что они не самых дорогих скакунов выбрали.

Но надо признать, что оно того стоило. Шли пешком – никто на нас особо внимания не обращал, особенно если учесть тот факт, что на лица мы накинули капюшоны плащей. А вот забравшись на коня, Гарольд сразу этот самый плащ скинул, тут же на солнце блеснуло золото на перевязи и камни на ножнах шпаги. Еще он как-то так лихо подбоченился, приосанился и стал совсем таким, каким я его помнил еще по началу учебы. Да, похоже, и не я один, поскольку сразу же, как только мы въехали в кварталы «белого» города, со всех сторон посыпались разнообразные оклики, вроде:

– Монброн? Я рад тебя видеть! А говорили, что ты погиб где-то на Юге!

– Гарольд, мои соболезнования! Твой отец был славный человек.

– Месьор Монброн, с возвращением! Вот радость-то!

Гарольд с кем-то просто раскланивался, кому-то улыбался, а чьи-то слова воспринимал как должное, отделяясь еле заметным кивком. Надо полагать, все зависело от положения говорящего в местном обществе. А еще несколько раз он даже спрыгивал с коня на мостовую, чтобы обняться с некими немолодыми вельможами, которые, судя по их одеждам, были очень, очень высокопоставленными людьми.

И еще непременно сообщал всем тем, кто заслуживал его внимания, о том, что, бросив все дела и войну на Западе, он поспешил под своды отчего дома, дабы осушить слезы матери, поддержать брата Генриха и позаботиться о будущем дома Монбронов. Да еще и не забывал добавлять, что с ним друзья – барон фон Рут из Лесного Края и мистресс де Фюрьи из Асторга. Да-да, из тех самых де Фюрьи, что в родстве с венценосными фамилиями, да еще и не с одной. Нет, с удачной партией следует поздравлять не его, но он надеется на то, что при церемонии бракосочетания он будет стоять по правую руку жениха, что первого сына назовут в его честь, и на то, что по достижении десяти лет данного отрока отправят в дом Монбронов на воспитание, как это издавна принято в родовитых фамилиях, состоящих в тесных дружеских отношениях. Имени жениха Розы он не называл, но намек был достаточно толстый.

Следовало признать, что эта часть плана нам удалась великолепно. По крайней мере даже Розы признала, что о бесследных исчезновениях или случайных отравлениях говорить не имеет смысла, на подобное теперь решиться только безумец. А особенно если учесть тот факт, что, похоже, не все дядюшку Тобиаса жаловали. Сам Гарольд потом нам тихонько сказал, что те люди, с которыми он обнимался, советовали ему держать ухо востро и обещали, в случае чего, свою поддержку.

– От обещания до дела очень большое расстояние, – скептически заметила Розы, смыслящая в подобных вопросах, и я с ней согласился.

Такие вещи одинаковы и близ трона, и в трущобах. Обещать – не значит сделать.

– Знаю, – ответил ей Монброн. – И не слишком на них надеюсь. Правда, кое-какую пользу от этих господ получить можно. Тот, что был постарше, ну с залысинами, это месьюр Отиль, постельничий его величества. Если мне понадобится испросить аудиенции у короля, он сможет устроить ее достаточно быстро. И даже обеспечить определенную приватность нашей беседы, в разумных пределах, разумеется. Но в целом мы сейчас будем чем-то вроде комедиантов. Все будут смотреть на то, как развиваются события, но никто не станет всерьез вмешиваться в наши дразги до того, пока не появится какая-то ясность.

– Нашли себе потеху, – проворчал я. – Кому война, кому мать родна.

– А что ты хотел? – пожал плечами Гарольд. – Это жизнь. Люди любят зрелища, потому бродячие актеры редко ложатся спать голодными. Но еще больше они любят смотреть на реальные страсти своих ближних, главное, чтобы эти страсти разворачивались не в их доме. Помню, года четыре назад у нас тут была история, так за ней вся Форесса следила. Есть в нашем городе два семейства, очень уважаемых и богатых. Все бы ничего, но очень эти семейства между собой не ладили. И вышло так, что...

Увы, но дорассказать эту историю Гарольд нам не успел, поскольку ему снова пришлось прыгивать на мостовую и обниматься с каким-то долговязым стариком, вылезшим из дорогущего паланкина, который тащили на своих плечах четверо мускулистых смуглых рабов. На груди его висела массивная золотая цепь, инкрустированная мелкими алмазами, а голова была увенчана тонким золотым обручем. Как видно – непростой это был старикан, сильно непростой. Он долго хлопал Монброна по спине морщинистыми руками, пальцы которых были унизаны перстнями, и что-то бубнил, а после с интересом таращился на нас, прежде чем залез обратно в свой паланкин.

И ведь что любопытно – кто он такой, Гарольд нам говорить не стал, снова вернувшись к рассказу о событиях четырехлетней давности.

Вот так, с остановками и разговорами, мы снова почти добрались до родового гнезда нашего друга, и в этот раз оно произвело на меня гораздо большее впечатление, пусть даже пока и издали. Несколько часов назад, в темноте, я не мог по достоинству оценить это произведение архитектуры, но теперь...

Замок. Как есть – замок. Не преувеличивал Гарольд, называя свой дом этим словом. Наш дом на Вороньей горе, если честно, проигрывал этому величавому зданию почти по всем статьям, как, впрочем, и почти все остальные дома, что я видел в Форессе. За исключением, пожалуй, только нескольких зданий, находящихся дальше. Но это уже были не замки, это как-то по-другому, скорее всего, называется.

Я так думаю, тут улица строится по родовитости. Чем твой род знатнее, тем ближе к ее окончанию ты живешь. Кстати – беседка, в которой мы разместились пару часов назад, стояла в самом ее конце и, похоже, была частью паркового ансамбля, прилегающего к самому последнему зданию, к которому и слово «замок»-то не подходит. Тут более мощное название нужно придумывать.

Так вот – дом Гарольда был одновременно похож на все местные дома и не похож на них. Боковые пристройки были сделаны в здешней манере, с круглыми куполами, хоть и высокие, но какие-то приплюснутые. А вот центральная часть больше смахивала на привычную для нас архитектуру – высокое и прямое строение с узкими окнами-бойницами, заканчивающееся остроконечным шпилем.

– Центральную часть замка построили во времена моего пращура и родоначальника Ордо «Вепря» Монбронна, еще задолго до Века Смуты, – пояснил Гарольд, словно услышав мои мысли. – Он, если верить семейным преданиям, пришел в Силистрию с Запада. Хотя тогда и Силистрии еще не было толком. Ордо со своим отрядом примкнул к первому повелителю этих земель, участвовал во всех его походах, пару раз спас от смерти и получил титул «Первого лорда». Тогда и наш замок был заложен, одновременно с королевским дворцом. А пристройки уже потом делали. В результате получилось сумбурно, но мило.

– Слушай, а кем был твой пращур до того, как стать «Первым Лордом»? – любопытствовал я. – Больно прозвище неблагородное. «Вепрь».

– Остряк, – фыркнул Монброн. – Подозреваю, что капитаном наемников, если ты об этом. Семейные хроники на данный счет молчат, записей никаких от тех времен не сохранилось.

– Уверена, что все они сожжены детьми того же Ордо Вепря, которые были уже урожденными Монброннами и не имели прозвищ, – вставила реплику Розы. –

Разумный поступок. А в целом – копни любое старое семейство, и в начале семейных хроник встретишь или наемника, или авантюриста. Я уж молчу про часть нынешних королевских фамилий, занявших троны во времена Века Смуты. Мне рассказывали, что тогда действовало простое правило – «кто поспел, тот и съел». Так что наша Грейси не так и много потеряла. Я слышала, что Рой Первый занял престол Фольдштейна очень даже просто. Он с отрядом наемников и при поддержке части местного дворянства просто прикончил тогдашнего монарха прямо во дворце, а после взял корону, напялил ее себе на нечесаную голову и залез на трон. И все.

– Да, я тоже об этом слышал, – повертев головой по сторонам, признал Гарольд. – Но ты все-таки про это громко не кричи. Предок нашего нынешнего короля, по слухам, от Роя Первого не особо и отличался. В части методов занятия трона, имеется в виду.

Ну и в чем разница между благородными и неблагородными? Только в том, что четыреста лет назад их предки были пошустрее, чем наши.

– А ворота-то открыты, – прозвенел голосок Розы, став каким-то кукольным. – Прелесть какая. Знаешь, Монброн, мне кажется, что твоему дядюшке уже доложили о том, что ты пожаловал в город.

Глянув на Розы, я поразился перемене, которая произошла в ее облике. Не знаю, как ей это удалось, то ли благодаря сменившейся осанке, то ли чему-то еще, но сейчас она выглядела как избалованная девчонка, какими были почти все наши соученицы из знатных фамилий в тот момент, когда они впервые переступали порог Вороньего замка. Из нее просто сочились спесь и презрение ко всем, кто ниже ее по положению. Это трудно описать, но так оно было на самом деле.

– Мистресс де Фюрьи, – Гарольд тоже уловил смену настроения в нашей спутнице и приложил ладонь к сердцу. – Прошу вас проследовать в мое неподобающее вашей милости жилище. Эраст, не отставай. И еще – прикрывай мою спину. Это так, на всякий случай.

Розы оказалась права – нас ждали.

В середине огромного двора, который в темноте и спешке мы тоже толком не разглядели, стоял высокий и грузный мужчина, разодетый дорого и, даже на

мой не слишком притязательный взгляд, слишком пестро. Похоже, что здесь определяющим словом было именно «дорого». Золотое шитье, бархат, пуговицы со вставленными в них драгоценными камнями, все это блестело, переливалось и резало глаз. Если продать его одежды, то на эти деньги в Раймилле я бы смог безбедно жить лет пять, а то и семь, причем питаюсь трижды в день и ночуя под крышей собственного небольшого домика.

За его спиной стояло десятка два воинов в парадных доспехах, по углам двора, рядом с небольшими флигельками, жались слуги, не сводя с нас, въезжающих в ворота, своих любопытных взглядов.

А вот матушки Гарольда я не увидел, как и его сестер. Да и братца тоже.

– Хвала небесам! – проревел мужчина и вскинул вверх свои здоровенные руки. – Это он, мой племянник Гарольд, вести оказались правдивы! Я-то думал, что это какой-то прохвост, который присвоил имя моего павшего на войне родича, но нет, это он! Я узнал его!

– Это я, – подтвердил мой друг, не спеша слезать с коня. – Здравствуй, дядюшка Тобиас, рад видеть тебя в добром здравии.

Все бы ничего, но Гарольд, увидев родственника, похоже, снова стал заводиться, и потому тон его не сильно совпадал со сказанным. Он больше подходил для фразы «Чтоб ты сдох».

– Миленько тут у тебя, – голос Розы стал совсем уж писклявым, а интонации донельзя надменными. – Не скажу, что удивлена увиденным, некая провинциальность наличествует, но миленько.

Дядюшка Тобиас внимательно посмотрел на нашу спутницу, причем взгляд его не слишком совпадал с обликом. Он был слишком внимательным, слишком оценивающим для человека, разодетого как пугало. Именно тогда я в первый раз подумал о том, что это очень, очень опасный противник. Он, как и Розы, хочет выглядеть не тем, кто есть на самом деле.

– Сойди с коня, племянник, – проревел дядюшка. – Дай я тебя обниму! И представь своих спутников, я хочу знать имена друзей моего любимого родича!

Теперь главное, чтобы Монброн во время объятий все не испортил и не вогнал бы этому здоровяку кинжал в бок, переполнившись радостью от встречи. Я изучил своего друга и видел, что он сейчас раздражен до невозможности.

– Прости, дядюшка, с этого и следовало начать. – Гарольд соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчишке-слуге. – Устал с дороги, забываю об элементарных правилах приличия.

Ни один, ни другой не торопились сближаться. Дядюшка ждал, когда Гарольд сам подойдет к нему, а мой друг, похоже, делать этого не собирался. Оно и понятно – первое столкновение клинков, если можно так сказать. На принцип пошел, дает понять, что все будет не так просто.

Зря. Это тот случай, когда можно пожертвовать мелочью вроде нескольких шагов. Ничего страшного в этом нет. Хотя – это для меня, я мыслю по-другому, не так, как он.

Дядюшка оказался гибче. А может, как это ни печально, даже умнее. Он неожиданно резво преодолел разделяющее их расстояние и прижал Гарольда к своему объемистому брюху.

– Племянник, – трубно возвестил он, тиская моего друга. – Как же я рад! Как я рад! Вот если бы твой отец дожил, если бы он мог тебя обнять!

– Я бы тоже этого очень хотел, – холодно ответил ему Гарольд. – Увы, этого не случилось.

– У вас дурно воспитаны слуги, – подала голос Роза, как всегда, на редкость своевременно. – Мне что, так никто и не подставит спину, чтобы я могла сойти с лошади? Я бы всыпала вашему мажордому два... Нет, три десятка плетей за скверное выполнение своих обязанностей. Не меньше!

– Какая суровая! – восхитился дядюшка Тобиас, разжимая объятия и отпуская Гарольда. Он щелкнул пальцами, один из слуг метнулся к Розе и согнул спину. – Сынок, кто это?

Лицо Гарольда закаменело, он был готов к чему угодно, но только не к этому «сынок».

Нет, этот дядюшка кто угодно, но только не дурак. Он бьет пока словами, не кинжалами, но зато точно в цель.

– Это Роза де Фюрьи, – выдохнув, сказал Монброн. – Представительница основной ветви семейства де Фюрьи из Асторга.

– Какая честь для моего дома! – Тобиас изобразил что-то вроде поклона. – Визит столь важной дамы!

И еще один укол. Ловок, ловок.

Я видел, что еще чуть-чуть и мой друг сорвется, потому, спрыгнув с коня, подошел к нему и тихонько ткнул в спину, как бы говоря: «Не сходи с ума».

– Эраст фон Рут, – не ожидаясь реплики Гарольда, представился я. – Барон из Лесного Края.

Как и следовало ожидать, моя персона впечатлила дядюшку меньше, он бросил мне только что-то вроде:

– Рад, рад. Добро пожаловать.

– Эраст мой жених, – добавила Роза, подходя к нам. – Мы решили связать наши судьбы. Любовь – великая госпожа, потому скоро мой избранник породнится с одной из самых знатных фамилий Рагеллона. Хотя, вам, наверное, это не слишком интересно? С другой стороны – я женщина, мне хочется поделиться своим счастьем со всем миром.

И она взяла меня под руку.

– Это все очень, очень любопытно, – заверил нас Тобиас, окинув меня уже более заинтересованным взглядом. – Поверьте. Но время для бесед у нас еще будет, а пока – завтрак. Я, знаете ли, уже немолодой человек и у меня есть свои привычки, сложившиеся годами. Одна из них – плотный завтрак. Потому прошу

вас проявить снисхождение к старому чудаку и составить мне компанию за столом.

– Я бы хотел сначала повидать мать, сестер и брата, – твердо произнес Гарольд.

– Так они уже там, – замахал руками Тобиас. – В обеденной зале! Только нас и ждут!

– Завтрак? – Роза надула губы. – Я не умылась с дороги, какой завтрак?

– Условности, – заверил ее Тобиас. – Впрочем – мыльня и служанки в вашем распоряжении, я все понимаю. Но вы, парни, надеюсь, не рветесь сначала умываться? Настоящий воин ест тогда, когда на то есть возможность, а все остальное потом!

– Завтрак – это прекрасно, – сообщил ему Гарольд. – Пойдем, Эраст.

Глава пятая

Если снаружи замок поразила меня своей величественностью, то его внутреннее убранство вызвало совсем другие ощущения. Мне стало как-то тягостно. Не знаю, что тому было причиной – усталость ли, подсознательное ощущение того, что вот-вот нас начнут резать на лоскуты (что бы там Роза ни говорила), или просто полумрак и запах пыли, которые окутали меня и Гарольда сразу после того, как мы перешагнули порог. Давил этот замок мне на нервы, давил.

Хотя, по сути, здесь все было очень и очень необычно. На стенах висели огромные звериные головы, я даже предположить не мог, что на свете имеются лоси и медведи таких размеров. А еще коридор, по которому мы шли, являл собой целую галерею. В нем были расставлены вдоль стен статуи... Или как это называется? В общем – фигуры воинов в доспехах, шлемах и с оружием в руках, воссозданные с немалым умением и прилежанием. Они как живые стояли, честное слово! У каждой был собственный постамент, снабженный надписью, как видно, объясняющей любопытствующим, к какой эпохе относится тот или иной образец.

– Предков твоих доспехи, да? – спросил я у Гарольда, который настолько шустро вышагивал по этому коридору, что я еле за ним поспевал.

Рози с нами уже не было, ее несколько девушек-служанок повели в мыльню, причем моя суженая серьезнейшим тоном прямо на ходу сообщала этим бедолагам, что если те проявят должную сноровку, то она их наградит, а если нет – то запрет на конюшне, причем собственноручно. Что именно она имела в виду под словом «сноровка», понятия не имею. И, может, к лучшему.

– Нет, – отозвался Гарольд. – Это лучшие из противников, которые выпадали на долю Монбронов Силистрийских.

– В смысле? – даже остановился я. – То есть это доспехи тех, кого твои предки убили?

– Не только доспехи, – поправил меня Гарольд и подошел к ближайшей фигуре. – Вот, например, Лотус Железные Челюсти, кузен короля, который лет триста назад правил нашей страной. Был он разбойник, насильник и растлитель, по которому петля плакала. Но вешать было нельзя, все же он королевской крови. Тогда по велению монарха, который сам не хотел обогреть руки родственной кровью, мой предок Этьен Монброн взял штурмом замок этого негодяя, перебил там всех, кого можно, и сошелся с ним в решающей поединке. Как ты понимаешь, победа осталась за предком. А тело Лотуса привезли в замок, отдали чучельникам, а после установили сюда, к остальным трофеям моего рода.

Гарольд раскрыл створки шлема, и я увидел в образовавшемся отверстии давным-давно мумифицировавшееся лицо того, кто некогда разбойничал, насилывал и растлевал. Причем зубы у этого бывшего человека и впрямь были железные. Да еще и острые, как у волка.

– Это они тут все с начинкой? – с неподдельным уважением спросил я. – Однако!

Проход был длинный, а чучел вдоль стен по обеим сторонам стояло никак не меньше трех с лишним десятков.

– Здесь только лучшие из лучших, – пояснил Монброн. – Хороший враг, как и хороший друг, встречается нечасто. Ладно, пошли, пошли. Мне надо повидать

родных до того, как за стол сядет дядюшка.

Тобиас с нами не пошел. Он сослался на какие-то дела, и обещал присоединиться к застолью «вот-вот, прямо с минуты на минуту». То, что он собирался раздать какие-то указания, напрямую касающиеся нас, было несомненно, но какие именно, узнать не представлялось возможным. Формальности были соблюдены, и нам не оставалось ничего другого, как отправиться за стол.

Я не удержался от соблазна приподнять забрало шлема чучела, стоящего следующим за Лотусом Железные Челюсти («Джота Клятвопреступник, убит летом 22 г.п. В.С.), увидел сморщенное, как старое яблоко, лицо с двумя глубокими впадинами вместо глаз, непроизвольно икнул и вернул забрало на место. Не знаю, как именно окончил свои дни Джота Клятвопреступник, но, сдается мне, настрадался он перед этим изрядно. Хотя, возможно, и за дело.

Пройдя еще через пару коридоров (стены в одном были украшены щитами с разнообразной гербовой символикой, а в другом вымпелами на древках) и поднявшись по лестнице, мы наконец оказались в помещении, которое я безошибочно опознал как обеденную залу. Ну или трапезную. В любом случае, это было место, где едят. Во-первых, здесь дурманяще пахло жареным мясом со специями и иной снедью, во-вторых, здесь стояли столы, в-третьих, за этими столами сидели люди. Точнее – пяток разновозрастных девиц, стройный юноша с бледным лицом, а также очень красивая и очень грустная немолодая женщина в черном бархатном платье.

Желудок, учуяв ароматы пищи, взвыл так, что мне даже стало неловко.

– Матушка! – непривычно мягко произнес Гарольд и устремился к женщине, которая, только услышав его голос, тут же вскочила на ноги и поднесла правую ладонь ко рту.

Монброн опустил перед ней на колени и как-то очень по-детски ее обнял.

Я всегда говорил, что в нем больше человеческого, чем все думают. Просто он это умело прячет, старается не давать хода эмоциям. Вот и маму он любит.

– Гарольд! – взвизгнула одна из девиц, со светлыми, почти белыми волосами, уложенными в очень сложную прическу. – А нам сказали, что ты мертв. Опять ты нас надул, паршивец!

– А я говорила, что он не мог погибнуть запросто, на какой-то там войне, – сообщила всем другая девушка, с остреньким носом. – Слишком это для него просто.

Остальные барышни тоже начали щебетать, но разобрать что-либо в этом гвалте было сложно.

Гарольд тем временем встал с колен, обменялся с матерью несколькими фразами, но что именно он ей говорил и что она отвечала, я не разобрал. Может, оно и правильно, не все мне знать надо.

Бледный юноша встал из-за стола и подошел к Гарольду. Как видно, это и был его брат Генрих, который не уверен в себе и на которого трудно положиться в тот момент, когда все вокруг рушится.

– Фон Рут, – повернулся ко мне Монброн, не обращая особого внимания на брата. – Что ты там встал? Вот, дорогие мои, это барон Эраст фон Рут, мой друг. Ему я доверяю как себе, так что и вы относитесь к нему соответственно.

– Симпатичный, – одновременно и с одинаковой интонацией сказали сразу две девицы.

– Добро пожаловать, – произнес Генрих.

Матушка Монброна ничего не сказала, но благожелательно потрепала меня по волосам, когда я целовал ее руку.

Девицы тем временем продолжали галдеть, совершенно не обращая внимания на то, что я отлично слышу их разговоры.

Сдается мне, не преувеличивал ничего Гарольд в своих рассказах о них. Возможно, даже наоборот. Преуменьшал.

– Интересно, он не девственник ли? Хорошо бы! Говорят, они такие забавные, вот бы попробовать!

– Любопытно, откуда он? Если с Запада – еще ничего. Но на Восток я замуж не пойду.

– Можно подумать, он именно на тебе женится!

– Не красавец, нет. Зато глазки умненькие.

У меня возникло ощущение, что я лошадь на рынке и ко мне сейчас прицениваются. Seriously. И еще я понял, что надо эту опасность в корне давить, от греха, и дело не только в пяти похоронах, которые запросто может устроить Роза, увидев всего лишь часть того разгула, который имел место быть здесь и сейчас. Просто ни к чему мне это все.

А прекратить подобное можно только одним способом. Надо стать для них неинтересным.

– Ох, и хороши у тебя сестры! У нас в Лесном Краю таких нету! – громко проорал я. – А, так тебя разэдак, опять сопель полный нос!

И после этих слов я сморкнулся прямо на пол, понимая, что тем самым навсегда порчу свою репутацию в глазах всех поколений Монбронов, сколько бы их еще ни было на свете. А также надеюсь на то, что после этого Гарольд не бросит мне вызов на поединок, когда мы закончим разбираться с его делами. Все-таки это его родовое гнездо.

– Фу-у-у-у-у-у-у! – сообщили сразу четыре из пяти девушек брезгливо и посмотрели на меня презрительно.

И только одна из них, остроносенькая, делать этого не стала. Более того – она заулыбалась.

– Садись за стол, старина, – скрыв улыбку, предложил мне Гарольд и хлопнул меня по плечу. – В ногах правды нет.

– Покушать бы, – одобрительно сообщил ему я, старательно копируя манеры и речь Фалька и плюхаясь на лавку неподалеку от Генриха. – Свининки там жареной, овощей каких, хлебушка, подливы. Гороху моченого можно, для приятственного бурления в брюхе. И пивка побольше.

Если у брата Гарольда и было в планах что-то вроде рукопожатия, то после моей выходки он ничего такого делать не стал, ограничившись кивком, и повторив уже произнесенную им фразу:

– Добро пожаловать!

Впрочем, пообщаться нам и не удалось бы, поскольку почти сразу Гарольд поинтересовался у брата:

– Ну, Генрих, теперь расскажи мне, как так оно все вышло. И поспеши, пока не пришел дядюшка.

– Все – что? – вяло спросил Генрих. – Как мне кажется, ничего особенного или из ряда вон выходящего не случилось.

– Вот такой у меня брат, представитель старшей ветви древнего рода Монбронов, – весело, почти залихватски, сказал мне Гарольд. – В замке, как хозяин, распоряжается сородич из младшей ветви, его сестер вот-вот спровадят в дом терпимости, матери нужна поддержка в этот трудный час, но она ее не получает. Отец убит! А мой братец считает, что все идет нормально.

– Отец умер сам, – наконец-то в голосе Генриха появились живые нотки. – Это доказанный факт, который ни у кого, кроме тебя, не вызывает сомнения. Мама в полном порядке, что же до наших с тобой сестер... Ты сам все про них знаешь. И помнишь. Дом терпимости? Не смей меня. От наших с тобой сестер содержатели иных подобных домов как от чумы будут шархаться.

– Экий мерзавец ты, Генрих, – лениво сообщила та девица, что была с роскошными волосами. – При госте нас позоришь. Он хоть и из немыслимой глуши, но все-же...

Впрочем, на ее слова кроме меня внимания никто не обратил.

– И самое главное. – Генрих встал и уперся кулаками в стол. – Я хочу напомнить о том, что, поступив в обучение к колдуну, ты лишился всех прав. Прав на всё! Ты не наследник родовой чести, родового добра, славы предков и всего прочего. Ты уже два года как никто, Гарольд. Никто. И, значит, ты не вправе ничего требовать у меня. Ради правды, и до того ты этого делать не вправе был, просто в силу того, что старший брат я, но тогда тебе многое прощалось за твою лихость, удаль и живую кровь Монбронов. За все то, чего не было у меня. Но теперь... Кто ты такой? Радуйся, что тебя вообще пустили сюда, в этот дом. Тебя и твоего приятеля-невежу.

– Мой славный Генрих, я удивлен, – абсолютно без наигрыша произнес Гарольд. – Ты ли это? Вечно тихий, вечно молчащий, и вдруг на тебе! Правда, я не понимаю, почему ты так набросился на меня, мы ведь не враги.

– Ты уверен в этом? – Генрих криво улыбнулся. – Просто ты раньше этого не замечал. Да и когда тебе? Ты всегда то на балу, то в кровати очередной придворной дамы, то на поединке с мужем этой дамы, а то и вовсе на войне. От отца только и было слышно: «Мой Гарольд опять умудрился нашалить». И главное – он был счастлив, узнавая про твои шалости! Внешне хмурился, ругал тебя, но в глубине души был рад! Даже то, что ты обрюхатил мою невесту, мою Люсиль, он и то назвал «проделкой». Проделкой!

– Я? – ошарашенно произнес Гарольд. – Люсиль? Ты в своем уме?

– Мне все известно! – прошипел Генрих и помахал пальцем у носа Монброна. – Все! Я видел ублюдка, рожденного ей. Это вылитый ты! Люсиль, правда, до последнего момента твердила, что это не так, что все было наоборот, что ты ее спас, но я-то знаю правду! Эта лживая дрянь просто выгораживала тебя! Даже когда она умирала, то твердила, что это мой ребенок, а не твой.

– Как интересно. – Гарольд обвел взглядом потолок залы. – Это все? Или у тебя еще есть что сказать?

По лицу его матери текли слезы, сестры испуганно глазели на происходящее и даже не перешептывались. Судя по всему, они таким Генриха тоже никогда не видели.

– Есть, – кривя губы, сообщил ему старший брат, щеки которого от эмоций и криков изрядно порозовели. – Знаешь, ты меня очень, очень расстроил. Я ведь был уверен в том, что ты непременно примчишься сюда, узнав про смерть отца и прочие бесчинства. И очень надеялся на то, что ты поступишь так, как всегда, то есть ворвешься в замок, прикончишь дядюшку, точнее, попытаешься это сделать, и вообще наделаешь разных глупостей, вроде кровопролития и возмущения порядка. Ты же Гарольд Монброн, надежда рода, у тебя есть все права на это. И после этого я испытаю давно ожидаемую огромную радость, глядя на то, как тебя четвертуют на Судной площади, потому что никаких прав у тебя нет и быть не может. Разве что на небольшое ежемесячное вспомоществование, что-то вроде сотни золотых. Ах, да. И еще небольшого поместья на южной границе Силистрии.

– Это правда, – прошептала мать Гарольда, не поднимая глаз. – Такова последняя воля покойного. Все права унаследовал Генрих.

– Который тут же отдал их младшей ветви Монбронов, – с невыразимым ехидством произнес братец Гарольда, шутовски разводя руки в стороны. – В обмен на пару услуг и еще кое-что.

– Ну с одной услугой не сложилось, – миролюбиво сообщил брату Гарольд. – Я не стал безобразничать, я предпочел другой путь, мирный. Что же еще тебе обещал наш дядюшка?

– Еще то, что сделаю все для того, чтобы ты умер, мой дорогой племянник, – раздался бас дядюшки Тобиаса. – И не просто умер, а на глазах у всего города, опозоренный и ошельмованный. Это было обязательное требование Генриха.

Новый хозяин родового гнезда Монбронов вошел в залу, прошествовал к массивному дубовому креслу, стоящему во главе стола, и плюхнулся в него.

– Это-то понятно. – Гарольд взял ломоть хлеба из плетеной корзины и с аппетитом отхватил зубами сразу половину. – А что еще?

– Еще? – дядюшка гулко рассмеялся. – Еще он получит руку моей дочери. Единственной, прошу заметить. Пока единственной. Надеюсь, что чрево твоей матушки еще способно к деторождению, и у меня появятся другие наследники.

– Мы даже уже обручены с Лизелоттой, дорогой братец, – добавил Генрих. – Да-да. И в брачном договоре, который мы подпишем, четко указана сумма приданого, которая меня вполне устраивает.

– Ну и еще кое-что он получил, по мелочам, – закончил дядюшка благодушно. – Но в целом твой брат, любезный племянничек, очень и очень неглупый малый. Кстати, если бы даже ты не отправился учиться на колдуна, то для тебя и твоего отца все равно дело кончилось бы почти тем же самым, что и теперь. Ну единственное, что ты умер бы в корчах, от жуткой боли в животе. Я человек не злой, мой брат не мучался. А вот Генрих – он другой.

Мать Гарольда издала горловой звук, дядюшка сурово на нее зыркнул, и женщина испуганно замолкла.

– Да, Генрих другой, – согласился с ним Гарольд. – Совсем другой. Эраст, ты прости меня.

– Не понимаю, о чем ты. – Я тоже потянулся за куском хлеба, уже отлично осознав, что разносолов в ближайшее время нам не видать. – Разве что за скудность стола извиняешься. Так это не твоя вина, а твоего родича, пригласившего нас на завтрак. Прижимистым он оказался. Да попросту жадиной.

– А что переводить на вас еду? – даже как-то удивленно ответил дядюшка Тобиас. – В Башне-на-Площади вас покормят. Я слышал, что наш славный король на ее узниках не экономит, он считает, что особо опасные преступники, те, что приговорены к смерти, должны в полной мере ощутить его доброту и сердечность.

Не очень приятное название – «Башня-на-Площади». Да и упоминание про смертные приговоры мне не очень понравилось.

– Значит, все уже готово, – подытожил Монброн. – Надо же, я сам сунул голову в петлю.

– Вернее, сделал шаг к эшафоту, – поправил его Тобиас. – Я же уже говорил, что одно из требований Генриха – публичная казнь. Четвертование или колесование, тут уж как судьи решат. Его оба варианта устраивают. Ну и, соответственно,

лишение дворянской чести.

– Это как? – изумился я. – Как девку чести лишают – это понятно. Но тут-то как? Или я чего-то про Силистрию не знаю?

– Будет оглашен специальный королевский указ о том, что я отныне лишен права носить родовую фамилию, лишен права проживать в столице и еще много чего другого, – объяснил мне Гарольд. – Крайне унижительная процедура, поверь мне.

– Ишь как они размахнулись, – отметил я. – И даже нас не спросили, хотим мы того или нет. Я так думаю, что тянуть больше не стоит. Братца твоего мы прикончим сразу, без особых хлопот. Да я его сам и прирежу, чтобы тебя потом совесть не мучала. С дядюшкой хлопот побольше будет, больно он толст, но тут главное брюхо вспороть, а там он сам богам душу отдаст. А дальше... Да по трупам до входа пройдем, не в первый раз.

Про магию я упоминать не стал, ни к чему это. Хотя, если дело и впрямь дойдет до драки, я ее в ход пушу непременно. Того же дядюшку ей попотчую.

Дядюшка Тобиас усмехнулся, взял колокольчик, который стоял перед ним, и несколько раз качнул его влево-вправо.

Скрипнули двери, и в зале сразу стало многолюдно. Причем все вновь прибывшие держали в руках арбалеты, которые были направлены на нас.

– Кстати – неплохая альтернатива, братец, – заметил Генрих. – Мне это невыгодно, но тем не менее. Это легче и проще, чем свидание с палачом на Судной площади.

– Легче, – признал Гарольд. – И проще. Но я за последние два года очень отвык от очевидных вещей. Жизнь, знаешь ли, как-то все так хитро выворачивала, что простые пути стали казаться не слишком верными. Да вот и сейчас – казалось бы, мне надо вынуть шпагу и попробовать убить тебя, получив при этом десяток арбалетных болтов в грудь. Все так просто. Но в чем смысл? Ты уцелеешь, поскольку я просто не успею этого сделать, у меня же шансов остаться в живых не будет вовсе. Если же я не стану пробовать тебя убивать, то и эти господа не посмеют стрелять. Нет повода.

Гарольд тянул время, это я прекрасно понимал. Ему ли не знать, что в нашем мире принято убивать без повода. Вот только чего ради он его тянул? Ждал Розы? Но, как по мне, лучше бы ей здесь и не появляться. Мы умрем – это ладно, но ее смерти я не хотел. Может, это и есть любовь? Ну, когда не хочешь смерти близкого тебе человека настолько, что будешь рад умереть раньше него?

– Племянник, заканчивай этот балаган, – хлопнул ладонью по столу Тобиас. – Кладите оба оружие на стол, и оставим пустые разговоры. И сразу, все эти ваши «пройдем по трупам» – только иллюзия. Во дворе вас ждет народу больше, чем здесь. Втрое больше.

– Наши дрязги – это наши дрязги, – ровно произнес Гарольд. – Фон Рут тут ни при чем, как и де Фюрьи. Со мной... Будет, что будет. Но с какой стороны они в этой истории?

– Мистресс де Фюрьи и вправду ни при чем, – даже как-то радостно заявил дядюшка Тобиас. – Она будет гостьей в моем доме, я ее с дочкой познакомлю, а если ее родня пожалует, то и их встречу да привечу. Хоть эта Розы и из вашего колдовского выводка, но все одно она де Фюрьи. Фамилия, подкрепленная серебряными рудниками и обласканная сразу двумя королями. Так что за нее не волнуйся, она сейчас поплещется в мыльне, потом позавтракает, а потом... Найдем как ее развлечь. Так, что про вас она и не вспомнит. А вот приятель твой – он никто, нищеврод из лесов. Кабы он еще не видел и не слышал ничего, но это не так. Да еще и брюхо мне хотел распороть, гаденыш такой. У!

И дядюшка, наконец сняв маску добряка, оскалил зубы и замахнулся на меня своей лапищей.

– Вот, Гарольд, – удовлетворенно заявил другу я. – Теперь у нас равные права на то, чтобы убить его. Тебе надо отомстить за честь семьи, а мне за свою собственную.

– Идиоты, – показав на нас, произнес дядюшка. – Все, надоели они мне. Хватайте их.

Часть воинов дядюшки побросала свои арбалеты и кинулась к нам.

Вот тут я и растерялся. То ли доставать шпагу и дагу, то ли нет. Достанешь – получишь болт в грудь или голову. Не достанешь – считай, сдался, а я этого не люблю.

Пока голова соображала, пальцы правой руки, повинувшись рефлексу, который вбивал в нас Ворон, уже привычно сплелись, формула вертелась на языке, и я было почти пустил заклинание в ход, как поймал взгляд Генриха. Ожидающий. Полный надежды.

Этот поганец хотел, чтобы мы выкинули что-то подобное. Более того – на это и был расчет. Ему не колесование наше было нужно, не четвертование.

Ему сожжение хотелось посмотреть.

– Гарольд, только кулак или сталь, – заорал я, ткнув пальцами в глаза первому набежавшему здоровяку, этот трюк у меня отлично получался еще в Раймилле. – Без ничего!

– Понял, – ответил мне Гарольд и врезал кулаком одному из стражников. – Как по мне, надо вовсе без крови обойтись, а то ее на нас повесят.

Без крови – это было все равно, что сдаться. Собственно, нас и скрутили через минуту.

Может, это и неправильно, может, стоило все же попробовать прорубить себе путь? Да и потом – не один же коридор в этом замке? Есть какие-то тайные ходы и все такое.

Но это должен был решать Гарольд, а он за шпагу не взялся. Значит, не счел нужным. Выходит, есть у него какие-то резоны так поступать.

– И снова ты ошибся, – попенял Генриху дядюшка. – «Они колданут, они колданут». Вот, не колданули. Даже за сталь не взялись, негодяи такие. Слушай, может, в дальних краях Гарольд и впрямь ума-разума набрался?

– Тогда его точно убить надо, – буркнул Генрих, который, несомненно, был крайне разочарован нашим поведением. – Я в те времена, когда он был дураком,

его еле терпел, а уж в качестве умника он станет вовсе невыносимым.

– Не набрался, – с сожалением произнес мой друг. – Теперь я это наверняка знаю. Не послушал умного совета, сделал все по-своему, как привык, и вот результат.

– Снявши голову, по волосам не плачут, – назидательно произнес дядюшка. – А вообще – да. Сиди ты на Западе, не сунься сюда, тогда и жив бы остался.

– Ну да, – сплюнул Гарольд. – А вы бы все новых и новых наемных убийц подсылали.

– Не без этого, – признал дядюшка, подходя к нему и доставая из ножен его дагу. – Но и меня пойми. Ты мне живой не нужен. Положение при дворе шаткое пока, не всем фамилиям пришлось по душе то, что произошло. А если еще и вспомнить про родню твоей матушки... Опять же – ну как ты к Рою Шестому побежишь? Он тебя всегда любил. И с де Фюрьи ты сошелся близко, твой лучший друг жених одной из их рода. А я ведь про это даже и не знал. Нет, никак тебе жить нельзя. И приятелю твоему тоже. Генрих, иди сюда.

Брат Гарольда болезненно скривился.

– Может, без этого обойдемся? – спросил он у дядюшки.

– Как? – пожал мощными плечами он. – Надо, сынок, надо. Терпи.

Генрих так и не тронулся с места, тогда Тобиас в несколько шагов приблизился к племяннику и вогнал лезвие даги ему в бок. Неглубоко, так, чтобы кишки не повредить, но кровь брызнула из раны моментально, закапав пол трапезной. На колете Генриха расплылось темное пятно, он побледнел еще больше, хоть, казалось, дальше уже и некуда.

– Ну и для полноты картины займусь собой, – Тобиас было хотел пустить в ход оружие Гарольда, но потом подумал и, подойдя ко мне, достал из ножен уже мою дагу. – Лучше так. Не будем обманывать королевский суд во всем, пусть будет хоть что-то по правде.

Себя он жалеть не стал, вспорол камзол на груди, да так, что белая рубаха под ним мигом стала красной. И еще полоснул как следует руку. Врать не стану – впечатлил меня. Не всякий так себя резать сможет. Другого-то запросто, но вот себя...

– Зови, – стряхнув капли крови с руки на пол, скомандовал одному из воинов Тобиас. – Можно.

Дверь скрипнула, и в залу вошел достаточно скромно одетый человек, в котором я сразу же, каким-то шестым чувством, угадал судейского. Не знаю отчего, но эту публику от любой другой я отличу легко. Они в любом королевстве одинаковы, и раймилльские от местных не отличаются ничем. Может, они вовсе отдельная ветвь человеческая? Некое племя, которое рождается для судейских нужд?

– Вот они, злодеи, – рыдающим голосом произнес дядюшка. – Я их принял в доме, как родных, как самых близких мне людей, а они... Пытались убить меня, пытались убить Генриха!

Бледный Генрих так и стоял, в глазах его плескались боль и страх, он, похоже, впервые так близко столкнулся с этой стороной жизни и теперь пытался осознать, что ему делать дальше. В смысле – умирать или еще пожить?

– Бедный мальчик, – прорычал дядюшка и толкнул племянника в грудь, тот рухнул в свое кресло и громко заорал от боли. – Вот, видите, каково ему! Не то страшно, что в бок ударили, что лезвие чудом не вспоролу ему печень. А то, что это сделал его брат! Братоубийца!!! Что может быть страшнее!

– По королевскому Уложению братоубийство карается четвертованием, – невозмутимо пробубнил судейский. – Свидетели есть?

– Полный зал, – обвел рукой трапезную Тобиас. – Вот, все они видели то, как я этих двоих встретил, а также как они меня и этого бедного мальчика убить хотели.

– Прекрасно, – судейский зевнул, не раскрывая рта. – Завтра сами приходите и пяток этих молодцев прихватите. Снимем показания, подготовим королю записку по этому поводу и, если все будет удачно, через месяцок он это дело

рассмотрит.

– Как же так? – расстроился дядюшка. – Король судебные дела рассматривает по вторникам, я знаю. Почему месяц?

– Непросто это, – чиновник озадаченно нахмурил брови. – Есть некая очередь. Дело-то личное, не государственной важности, у него и ход другой.

– Государственной, – заверил его дядюшка. – Государственной. Вы ко мне нынче на обед загляните, мы это обсудим.

– Почему нет? – покладисто согласился чиновник. – Обед – это хорошо. Но только без вина. Печень, знаете ли, пошаливает.

У дядюшки и впрямь все было на мази. Четверо крепышей в такой же серой судейской одежде, шустро надели на нас кандалы, освободили от остатков оружия, которое их начальник прихватил с собой, а после шустро повели на выход.

– Что, вы тоже против нас будете свидетельствовать? – не удержавшись, спросил я у сестер Гарольда, которые так все это время и просидели молча. – Также любопытно глянуть, как нам руки-ноги рубить будут?

Ответа не последовало.

– Да какая вам разница? – без тени недовольства и даже как-то учтиво сказал мне судейский. – В Силистрии показания женщин судом не рассматриваются. Кто будет им верить, по крайней мере, находясь в здравом уме?

За воротами нас поджидала черная карета с задернутыми шторками окнами и без каких-либо гербов на дверях. Нас шустро запихнули в нее, и она мигом тронулась с места.

Глава шестая

Что меня немного удивило – к нам никто не присоединился. В смысле – в карете кроме меня и Гарольда никого больше не было. У нас в Раймилле тоже подобные черные экипажи имелись, правда, немного по-другому выглядящие, но назначение у них было такое же – перевозка опасных преступников. И тех, что на корону злоумышляли, и тех, что попроще – убийц там, или грабителей. Как правило, везли их после оглашения приговора от тюрьмы до Веселой площади, где злодеи и заканчивали свои дни в петле или от топора палача.

А здесь – ничего подобного. Нет, с каждой из сторон кареты на приступках имелось по дюжему молодцу в сером, и на козлах двое устроились, но это все не то. Вот у нас, помню, по четыре судейских прямо в карету набивалось. Сам видел не раз такое на Веселой площади – сначала слуги закона из экипажа вылезают, а уж потом преступник, цепями звеня, выбирается.

Я-то на казни любил дома ходить. Нет, сам процесс мне не нравился, чего в нем хорошего? И потом – сейчас вон тот бедолага на эшафоте, а завтра, не приведи боги, ты сам. Подумать страшно. Но вот по чужим карманам шарить в то время, когда злодея жизни лишают, просто прекрасно. Все кричат, все ждут чужой смерти, а потому за своим добром следят не так внимательно, как обычно. Я как-то раз у одного благородного кошель таким образом стянул, так в нем аж два золотых оказалось, и еще серебра добрая пригоршня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/vasil-ev_andrey/chernaya-vesna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)